

КОЛМ ТОЙБИН

ПРЕМИЯ *COSTA* ЗА ЛУЧШИЙ РОМАН ГОДА

БРУКЛИН

ИЗ ТЕХ ТИХИХ ВОЛШЕБНЫХ РОМАНОВ, КОТОРЫЕ
ПРОКРАДЫВАЮТСЯ В ДУШУ, ПОСЕЛЯЮТСЯ В ВООБРАЖЕНИИ

USA TODAY

Большой роман

Колм Тойбин

Бруклин

«Азбука-Аттикус»

2009

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44

Тойбин К.

Бруклин / К. Тойбин — «Азбука-Аттикус», 2009 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-22041-6

Колм Тойбин – одна из крупнейших фигур современной ирландской литературы, тонкий и многообразный писатель, чьи книги неоднократно попадали в шорт-лист «Букера» и удостоивались значимых литературных наград. За «Бруклин», тихую историю молодой женщины и ее поисков себя, где чувства бурлят в глубине и всплывают на поверхности лишь рябью, намеком, недоговоренностью, автор получил Премию Коста, а в 2015 году Джон Краули экранизировал этот роман по сценарию, написанному совместно Тойбином и Ником Хорнби. Героиня «Бруклина» Эйлиш в поисках работы и перемены участи отправляется из родного Эннискорти, где все так знакомо и уютно, в чужой непривычный Нью-Йорк. Там она мучается от ностальгии, ищет свое место в новой стране, встречает любовь, принимает непростые решения и уже осваивается, когда печальные семейные вести призывают ее назад в Ирландию. Все иммигрантские истории на первый взгляд похожи, но никогда друг друга не повторяют. «Бруклин» – минорная одиссея, где нет особых страстей, но все пропитано чувствами, пронзительными и неотвязными, история странствия одной молодой женщины туда и обратно, из Эннискорти в Бруклин и снова в Эннискорти, – в поисках себя, своей самостоятельности, своего места, но в конечном счете своего дома, откуда невозможно убежать и куда невозможно вернуться.

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-389-22041-6

© Тойбин К., 2009
© Азбука-Аттикус, 2009

Содержание

Пресса о «Бруклине» Колма Тойбина	7
Часть первая	9
Часть вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Колм Тойбин

Бруклин

© С. Б. Ильин (наследники), перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Иностранка®

Пресса о «Бруклине» Колма Тойбина

Предыдущими своими романами Колм Тойбин доказал, что ему под силу какие угодно темы и настроения, но здесь он восхитительно сдержан почти до самого финала, где наносит читателю удар под дых, выступая достойным последователем Генри Джеймса.

NPR

«Бруклин» – цельный и местами загадочный роман. Порой он отстраняется от своей эмоциональной топографии, порой погружает нас в чувственные или психологические перипетии... При любом его прочтении – как неочевидной повести о сопричастности и ее путях или как подрывной романтической истории – он вселяет стойкую надежду на то, что посреди унылой жизни у любви и желаний юности все-таки есть будущее.

The Independent

Один из тех волшебных негромких романов, которые подкрадываются к читателю и завладевают их воображением.

USA Today

В «Бруклине» Тойбин, по своему обыкновению, вызывает к жизни сильные эмоции в пробелах между строк.

The Guardian

Прекрасный трогательный роман, убедительное доказательство неуклонно растущего диапазона и мастерства Колма Тойбина.

Kirkus Reviews

Стильные, элегантные истории Тойбина, тихие на поверхности и бурлящие в глубине, поистине актуальны – не зря список его международных наград неуклонно растет.

Los Angeles Times

Героиня «Бруклина» – одна из самых незабываемых персонажей современной литературы.

Pittsburgh Post-Gazette

Колм Тойбин, умелый рыбак, вылавливает эмоции, обитающие на глубине. Его персонажи и сюжеты бесконечно разнообразны. В «Бруклине» он тихо, скромно показывает, как умеют самоутверждаться города, как они окутывают пришельцев и заявляют на них права.

The New York Times

Великолепно.

Sunday Telegraph

Незабываемо.

The Spectator

Этот изысканный воодушевляющий роман – шедевр Колма Тойбина.

The Sunday Times

Главный вопрос «Бруклина» – вопрос, который и двигает повествование, – таков: возможно ли поистине покинуть свой дом? «Бруклин» – эмоционально богатая история о том, как уйти и все начать с начала.

Publishing Perspectives

В этом романе нет антагонистов, нет психологических драм, нет безвыходного отчаяния. Есть только молодая женщина, которая постепенно становится собой, учится переносить жизненные тяготы, делать выбор, отвечать за него и понимать, что в конечном счете любой выбор ничего не значит перед лицом судьбы.

O, the Oprah Magazine

Питеру Стросу

Часть первая

Сидя у окна верхней гостиной в доме на Фрайэри-стрит, Эйлиш Лейси смотрела, как ее сестра торопливо шагает по улице, возвращаясь с работы. С новой кожаной сумочкой, купленной на распродаже в дублинском «Клерисе», Роуз перешла с солнечной стороны улицы на затененную. Одета Роуз была в кремовый кардиган. В прихожей ее поджидали клюшки для гольфа. Через несколько минут, знала Эйлиш, кто-то заедет за ней и до вечерних сумерек этого летнего дня сестра дома не объявится.

Учеба Эйлиш на бухгалтерских курсах близилась к завершению, на коленях у нее лежало руководство по системам учета, а на столе за спиной – гроссбух, в который она, выполняя домашнее задание, заносила дебет и кредит компании, сведения о повседневном бизнесе которой переписала неделю назад в тетрадь – на занятиях в лицее.

Услышав, как открылась передняя дверь, Эйлиш сошла вниз. В прихожей Роуз рассматривала в карманном зеркальце свое лицо. Сосредоточенно вглядываясь, она подкрасила губы, потом веки, а потом повернулась, чтобы оценить картину целиком, к большому зеркалу на стене, поправила волосы. Эйлиш молча смотрела, как сестра облизывает губы, еще раз заглядывает в зеркальце и убирает его в сумочку.

Из кухни вышла их мать.

– Чудесно выглядишь, Роуз, – сказала она. – Ты будешь сегодня королевой гольф-клуба.

– Я проголодалась, – ответила Роуз, – а времени на еду нет.

– Вечером напою тебя чаем, – пообещала ей мать. – А мы с Эйлиш выпьем сейчас.

Роуз достала из сумочки кошелек. Открыла и положила на полку вешалки монету в один шиллинг.

– На случай, если захочешь в кино сходить, – сказала она Эйлиш.

– А как же я? – спросила мать.

– Она, как вернется домой, все тебе расскажет, – ответила Роуз.

– Как мило! – сказала мать.

Все трое рассмеялись и тут же услышали, как на улице остановилась и погудела машина. Роуз подхватила клюшки и вышла.

Немного позже, когда мать мыла тарелки, а Эйлиш их вытирала, кто-то постучал в дверь. Открыв, Эйлиш увидела девушку из продуктовой лавки «Келлис», что находилась у кафедрального собора.

– Меня мисс Келли прислала, – сообщила девушка. – Ей нужно вас повидать.

– Правда? – удивилась Эйлиш. – А зачем, она не сказала?

– Нет. Вы просто зайдите к ней вечером.

– Но зачем же я ей понадобилась?

– Господи, да я не знаю, мисс. Я у нее не спрашивала. Хотите, чтобы я вернулась и спросила?

– Нет, не стоит. Но вы уверены, что она вас *ко мне* послала?

– Уверена, мисс. Она говорит, что вы должны к ней заглянуть.

Поскольку Эйлиш так или иначе решила, что в кино пойдет не сегодня, а гроссбух успел ей изрядно надоесть, она переоделась, накинула кардиган и вышла из дома. По Фрайэри-стрит и Рафтер-стрит дошла до Рыночной площади, поднялась к собору. Магазинчик мисс Келли был закрыт, поэтому Эйлиш постучала в боковую дверь, которая вела к лестнице на второй этаж, где, по ее сведениям, жила мисс Келли. Дверь открыла все та же девушка и попросила Эйлиш подождать.

Некоторое время она прислушивалась к голосам и шагам наверху, потом девушка спустилась и сказала, что мисс Келли сейчас выйдет.

Эйлиш знала ее в лицо, однако мать в лавку мисс Келли не ходила, там все было слишком дорого. Кроме того, Эйлиш считала, что мать недолюбливает мисс Келли, хоть и не знала, по какой причине. Говорили, что у мисс Келли лучшие в городе ветчина и сливочное масло, что все ее продукты, в том числе и сливки, наисвежайшие, но Эйлиш в ее магазине не бывала, просто заглядывала, когда проходила мимо, внутрь и мельком видела стоящую за прилавком хозяйку.

Мисс Келли медленно спустилась в прихожую, зажгла свет.

– Ну вот, – сказала она и затем повторила эти слова еще раз, как будто они были приветствием.

Эйлиш собралась было объяснить, что она – та, за кем посылали девушку, и благовоспитанно спросить, правильное ли она выбрала время для визита, однако что-то в том, как мисс Келли оглядывала свою гостью с головы до пят, заставило ее промолчать. Эта манера мисс Келли навела Эйлиш на мысль, что, возможно, кто-то из горожанок обидел хозяйку лавки и та ошибочно приняла за обидчицу ее, Эйлиш.

– Пришли, стало быть, – произнесла мисс Келли.

Эйлиш вдруг обратила внимание на изрядное число прислоненных к напольной вешалке черных зонтов.

– Я слышала, что у вас нет работы и что вы хорошо умеете считать.

– Правда?

– Ну, в мой магазин заходит весь город, во всяком случае каждый, кто в нем что-нибудь значит, поэтому я чего только не слышу.

Не исключено, подумала Эйлиш, что это намек на обыкновение мамы делать покупки в другой лавке, впрочем, наверняка ничего не скажешь. Из-за толстых очков мисс Келли прочесть что-либо на ее лице было трудно.

– А мы тут каждое воскресенье с ног сбиваемся. Ну еще бы, остальные-то магазины закрыты. Вот все к нам и идут – хорошие люди, плохие и никакие. Как правило, я открываюсь после семичасовой службы, и с конца девятичасовой до завершения одиннадцатичасовой да и какое-то время спустя в магазине не протолкнешься. Мэри помогает мне, однако она копуша, поэтому я решила найти девушку посообразительнее, которая и в людях разбиралась бы, и сдачу умела правильно отсчитать. Но только на воскресенья, имейте в виду. В остальные дни мы и сами управимся. А вас мне порекомендовали. Я навела о вас справки, вы будете получать семь шиллингов и шесть пенсов в неделю, они и вашей матери жизнь немного облегчат.

Говорит мисс Келли, думала Эйлиш, так, точно описывает чье-то оскорбительное к ней отношение – поджимая губы по окончании каждой фразы.

– Это все, что я вам хотела сказать. Начать можете в воскресенье, но завтра приходите – познакомитесь с ценами, а мы покажем вам, как обращаться с весами и ломтерезкой. Волосы вам придется зачесывать назад, а кроме того, купите в «Дэн-Болджерсе» или «Берке-О’Лири» приличный халат.

Эйлиш старалась запомнить все услышанное, чтобы передать матери и Роуз; ей хотелось сказать мисс Келли что-нибудь резкое, но не явственно грубое. Однако в голову ничего не приходило, и она молчала.

– Ну что? – спросила мисс Келли.

Эйлиш понимала: отвергнуть это предложение она не может. Все-таки лучше чем ничего, а у нее сейчас только «ничего» и было.

– Да, мисс Келли, – ответила она. – Я начну, когда скажете.

– Заодно сможете посещать по воскресеньям семичасовую службу. Мы так и делаем, а когда она заканчивается, открываемся.

– Замечательно, – сказала Эйлиш.

– Тогда до завтра. Если я буду занята, вернетесь домой – или можете подождать, рассыпая по пакетам сахар, а если буду свободна, покажу вам, что у нас к чему.

– Спасибо, мисс Келли, – сказала Эйлиш.

– Ваша мать будет рада, что вы получили работу. И сестра тоже, – заявила мисс Келли. – Я слышала, она хорошо играет в гольф. А теперь идите, как приличная девочка, домой. Я вас больше не задерживаю.

Мисс Келли повернулась и начала медленно подниматься по лестнице. Направляясь к дому, Эйлиш думала о том, что мама и вправду обрадуется, услышав, что дочь теперь сможет зарабатывать, а вот Роуз сочтет работу за прилавком продуктовой лавки недостойной сестры. Интересно, скажет ли она об этом прямо?

По дороге Эйлиш заглянула в дом своей лучшей подруги Нэнси Бирн и застала там еще одну их подругу, Аннетт О'Брайен. Поскольку комната у Бирнов была внизу лишь одна – кухня, она же столовая, она же гостиная – и поскольку сразу стало ясно, что Нэнси не терпит поделиться новостями, часть которых Аннетт, судя по всему, уже знала, первая воспользовалась появлением Эйлиш как предлогом для прогулки, позволявшей подругам поговорить с глазу на глаз.

– Что-то случилось? – спросила Эйлиш, едва они вышли на улицу.

– Ничего не говори, пока не отойдем от дома на милю, – сказала Нэнси. – Мама знает: кое-что произошло, но я ей ничего не рассказывала.

Они спустились по Фрайэри-Хилл, прошли по Милл-Парк-роуд к реке и направились променадом к Рингвуду.

– Она роман закрутила. С Джорджем Шериданом, – сказала Аннетт.

– Когда это? – спросила Эйлиш.

– Воскресным вечером, на танцах в «Атенеуме», – ответила Нэнси.

– Я думала, ты на них не собираешься.

– Я и не собиралась, а после пошла.

– И танцевала с ним до самой ночи, – сообщила Аннетт.

– Ничего подобного, всего-то четыре последних танца, а потом он проводил меня домой. Но нас все видели. Странно, что тебе до сих пор ничего не доложили.

– Ты намерена и дальше встречаться с ним? – спросила Эйлиш.

– Не знаю, – вздохнула Нэнси. – Может, просто столкнусь на улице. Он вчера проезжал мимо меня и посигналил. Будь там кто-то еще, ну, девушка, которая пришлась бы ему по вкусу, он танцевал бы с ней, однако такой не нашлось. Он пришел туда с Джимом Фарреллом, но тот просто стоял и смотрел на нас.

– Если все дойдет до его матери, прямо не знаю, что она скажет, – заметила Аннетт. – Она жуткая. Я терпеть не могу заходить в их магазин, когда там нет Джорджа. Мама однажды послала меня туда за парой ломтиков бекона, так старуха заявила, что по два ломтика она не отпускает.

Тут-то Эйлиш и сообщила, что мисс Келли предложила ей работать по воскресеньям в ее магазине.

– Надеюсь, ты объяснила, куда ей следует засунуть свое предложение? – спросила Нэнси.

– Я сказала, что принимаю его. Вреда мне от этого не будет. Зато я смогу ходить с тобой в «Атенеум» на собственные деньги и следить, чтобы тебя не обидели.

– Да какие там обиды, – сказала Нэнси. – Он вел себя очень мило.

– Так намерена ты с ним встречаться? – повторила вопрос Эйлиш.

– Пойдем в это воскресенье вместе, – попросила Нэнси. – Его, может, там и не будет, но Аннетт пойти не удастся, а мне наверняка понадобится утешительница, если он появится и не пригласит меня танцевать, а то и не посмотрит в мою сторону.

– Я могу слишком устать на работе у мисс Келли.

– Но ты пойдешь?

– Я там уже сто лет не бывала, – ответила Эйлиш. – Не выношу всех этих деревенских олухов, а городские еще и похуже. Полупьяные и думают только о том, как бы затаскать тебя на Тэн-Ярд-лейн.

– Джордж не такой, – возразила Нэнси.

– Ага, слишком чванливый, чтобы снизойти до Тэн-Ярд-лейн, – заявила Аннетт.

– А давай предложим Джорджу подумать, не начать ли его мамаше отпускать по два ломтика бекона, – сказала Эйлиш.

– Не говори ему об этом, – попросила Нэнси. – Но ты правда собираешься работать у мисс Келли? Вот где бекон-то хорош.

В следующие два дня мисс Келли знакомила Эйлиш с товарами магазина. Эйлиш попросила листок бумаги, чтобы записывать названия сортов чая и размеры упаковок с ним, но мисс Келли заявила, что это будет напрасной тратой времени, самое правильное заучить все назубок. Наиболее ходовые по воскресеньям товары, сказала она, – сигареты, масло, чай, хлеб, бутылки молока, коробки крекеров, вареная ветчина и солонина, а за ними идут жестянки сардин и лосося, консервированные мандарины и груши, компот-ассорти, куриный и свиной паштеты, паста для сэндвичей и сливочный майонез. По ходу дела она показывала все это Эйлиш, называя цены. А убедившись, что Эйлиш цены запомнила, перешла к другим товарам: сметана, лимонад, помидоры, кочаны латука, свежие фрукты и мороженое.

– Представьте себе, нынче появились люди, которые приходят по воскресеньям за тем, что можно купить в любой другой день. Что тут поделаешь?

И мисс Келли, неодобрительно поджав губы, перечислила, что покупают эти типы, – мыло, шампунь, туалетная бумага, зубная паста, – сообщая цену каждого товара.

Некоторые, прибавила она, покупают по воскресеньям сахар или соль, а то и перец, однако таких все же немного. Попадают даже те, кому понадобилась светлая патока, или пекарный порошок, или мука, хотя эти товары лучше всего расходятся по субботам.

– Ну и всегда забегают дети, – и мисс Келли обвела взглядом полку с плитками шоколада, ирисками, пакетиками с порошком для шипучки, мармеладными пупсиками, – и мужчины, за сигаретами и спичками, однако их обслуживает Мэри, поскольку с большими заказами она не справляется, да и цены запомнить не может и нередко, – продолжала мисс Келли, – если в магазин набивается много покупателей, становится скорее помехой, чем помощницей. Никак не могу отучить ее глупо тарашиться на людей. Даже на постоянных клиентов.

Выбор товаров в магазине богатый, поняла Эйлиш. Изобилие сортов чая, в том числе и очень дорогого, да вообще все здесь дороже, чем в «Хейзе» на Фрайэри-стрит, «ЛиН» на Рафтер-стрит или в «Шериданс» на Рыночной площади.

– Вам придется научиться расфасовывать сахар и заворачивать хлеб, – продолжала мисс Келли. – Но это как раз из того небольшого, что у Мэри, помоги ей Бог, получается хорошо.

В первые же дни Эйлиш заметила, что с каждым покупателем мисс Келли держится по-разному. С одними она не произносила ни слова – просто стискивала зубы, а поза ее за прилавком давала понять, что присутствие этого человека в магазине крайне нежелательно и хорошо бы ему удалиться как можно скорее. Другим сухо улыбалась, но взирала на них с мрачным терпением, а плату принимала так, словно оказывала великую честь. Однако с иными она тепло здоровалась, называла по именам; для таких у нее был открыт кредит, и никакие наличные при покупках из рук в руки не переходили, мисс Келли просто заносила сумму в гроссбух, успевая при этом осведомляться о здоровье клиента и отпускать замечания о погоде, или качестве ветчины либо бекона, или разновидностях выставленного в витрине хлеба – от саяк до того, который скормливают речным уткам, и булочек с коринкой.

– А я вот пытаюсь обучить эту юную леди, – сообщила она покупательнице, которую, по-видимому, ценила выше прочих, женщине со свежим перманентом, Эйлиш ее никогда прежде не видела. – Пытаюсь обучить ее и надеюсь, она будет более чем усердной, потому что Мэри, помоги ей Бог, усердна, да толку от нее никакого и даже меньше. Надеюсь, эта девица окажется проворной, понятливой и надежной, хотя в наши дни таких помощниц ни за какие деньги не раздобудешь.

Эйлиш взглянула на Мэри – та смущенно стояла у кассы и внимательно слушала свою хозяйку.

– Впрочем, у Господа всякой твари по паре, – заключила мисс Келли.

– Вот тут вы правы, мисс Келли, – согласилась, укладывая покупки в авоську, женщина с перманентом. – И сетовать на это бессмысленно, не так ли? Должен же кто-то и улицы мести.

В субботу Эйлиш, заняв у матери денег, купила в «Дэн-Болджерсе» темно-зеленый халат. А вечером взяла у нее будильник. Встать нужно было в шесть утра.

После того как Джек, ближайший к ней по возрасту брат, отправился вслед за двумя старшими в Бирмингем, Эйлиш переселилась в комнату мальчиков, оставив Роуз в ставшей ее собственной спальне, где их мать каждое утро старательно прибиралась. Поскольку пенсия у матери была маленькая, все они зависели от Роуз, работавшей в офисе компании «Заводы Дэвиса»; из жалованья Роуз оплачивалась большая часть их нужд. Ну и мальчики время от времени присылали из Англии какие-то деньги. Дважды в год Роуз отправлялась в Дублин на распродажи, возвращаясь в каждом январе с новым пальто и костюмом, а в каждом августе – с новым платьем, новыми кардиганами, юбками и блузками, нередко выбиравшимися Роуз в расчете на то, что они не выйдут из моды, – эти вещи укладывались в шкаф до следующего года. Дружила Роуз теперь с замужними в большинстве своем женщинами, нередко пожилыми, имеющими взрослых детей, или с теми, чьи мужья работали в банках, и летними вечерами игравшими в гольф друг с дружкой, а по уик-эндам – смешанными парами.

В свои тридцать лет Роуз – лишь хорошевшая что ни год, как считала Эйлиш, – оставалась одинокой, хотя у нее и водились поклонники; она часто повторяла, что жизнь ее сложилась куда лучше, чем у многих ее школьных подруг, которые теперь катают по улицам коляски. Эйлиш гордилась сестрой, тем, с каким тщанием следит та за своей внешностью и с какой заботливостью относится к людям, с которыми видится в городе и в гольф-клубе. Эйлиш знала, что Роуз пыталась найти для нее офисную работу, платила за книги, по которым она изучала бухгалтерское дело и элементарное счетоводство, но знала также, что, по крайней мере сейчас, никакой работы ни для кого в Эннискорти нет и от квалификации тут ничего не зависит.

О предложении мисс Келли Эйлиш говорить Роуз не стала, зато, пока обучалась в магазине, старалась запомнить каждую мелочь, чтобы пересказать потом матери, – та смеялась и заставляла Эйлиш повторять кое-что по несколько раз.

– Эта мисс Келли, – говорила мать, – ничем не лучше ее мамы, а я слышала от женщины, которая у нее работала, что та была воплощением зла. До замужества она всего-навсего служила горничной в «Роше». А «Келлис» был не только магазином, но и мебелирашками, и каждый, кто работал на нее, или останавливался там, или просто заходил туда за покупками, с этим самым воплощением и сталкивался. Если, конечно, не был богачом или священником.

– Я поработаю у нее, лишь пока не подвернется что-нибудь другое, – пообещала Эйлиш.

– Так я Роуз и втолковала, когда все рассказывала, – ответила мать. – Если она станет приставать к тебе с поучениями, ты ее не слушай.

Роуз, однако же, о работе Эйлиш у мисс Келли ни разу не упомянула. Зато подарила сестре свой светло-желтый, почти не надетый кардиган, сказав, что ей самой этот цвет не к лицу и на Эйлиш кардиган будет смотреться куда лучше. И еще подарила губную помаду. В субботний вечер Роуз вернулась домой поздно и потому не заметила, что Эйлиш не пошла с

Нэнси и Аннетт в кино, а легла спать пораньше, чтобы в первое ее воскресенье появиться у мисс Келли отдохнувшей и свежей.

Семичасовую церковную службу Эйлиш посещала всего раз в жизни – рождественским утром, не один год назад, когда и отец был жив, и мальчики не разъехались. Ей запомнилось, как они с матерью – все остальные еще спали – на цыпочках выбрались из дома, разложив подарки под елкой, что стояла в гостиной наверху, а вернулись сразу после того, как братья, отец и Роуз проснулись и начали подарки разворачивать. Запомнились темнота, холод и волшебная пустота города. Теперь же, покинув дом после того, как колокол отбил двадцать минут седьмого, она – с сумкой, в которой лежал халат, волосы собраны в конский хвост, – шла по улицам к собору, сознавая, что времени у нее предостаточно.

Ей помнилось, что в то давнее рождественское утро почти все места в центральном нефе были заняты. Женщины, которых ожидало долгое кухонное утро, хотели вернуться домой пораньше. Но сегодня в церкви почти никого не было. Эйлиш огляделась в поисках мисс Келли, но не увидела ее до самого причащения, а тогда уж поняла, что та всю службу просидела напротив. Эйлиш смотрела, как она идет по проходу, соединив ладони и потупившись, как за ней следует Мэри в черной мантилье. Обе ничего, должно быть, не ели, подумала Эйлиш, так же, как я, и погадала, когда им всем удастся позавтракать.

После окончания службы она не стала дожидаться мисс Келли перед собором – помешкала немного у газетного киоска, куда как раз доставили запечатанные пачки газет, а после пошла к магазину и принялась ждать. Появившись, мисс Келли не поздоровалась и не улыбнулась, а направилась к боковой двери, угрюмо велев Эйлиш и Мэри остаться у магазина. Когда она отперла входную дверь и стала включать свет, Мэри сразу прошла вглубь магазина и начала выкладывать на прилавок хлеб. Вчерашний, сообразила Эйлиш, по воскресеньям хлеб не привозят. Она стояла, наблюдая, как мисс Келли раскручивает свежую полоску длинной желтой липучки для мух и приказывает Мэри залезть на прилавок и прикрепить ее к потолку, а старую, сплошь облепленную мухами, снять.

– Мух никто не любит, – сообщила мисс Келли, – особенно по воскресеньям.

Вскоре в магазин зашли за сигаретами двое-трое мужчин. Эйлиш уже облачилась в халат, однако обслужить их мисс Келли велела Мэри. Когда они вышли, Мэри получила приказ отправиться наверх, заварить чай и отнести чашку в газетный киоск – в обмен она получила свежий номер «Санди Пресс», каковой мисс Келли свернула и отложила в сторонку. Эйлиш отметила, что ни владелица магазина, ни Мэри есть-пить не стали. Мисс Келли провела ее в заднюю комнату.

– Вот этот хлеб, – сказала мисс Келли, ткнув пальцем, – самый свежий. Привезли вчера вечером из Стаффорда. Не трогайте его ни в каком случае. Для большинства покупателей сойдет и другой. И запомните: помидоров у нас нет. Те, что видите здесь, только для покупателей, на которых я сама вам буду указывать.

После девятичасовой службы нахлынула первая волна покупателей. Те, кому требовались сигареты и сладости, знали, судя по всему, что обращаться следует к Мэри. Мисс Келли стояла в глубине магазина, переводя взгляд с входной двери на Эйлиш и обратно. Она проверяла стоимость каждой покупки, записанную Эйлиш, отрывисто называла цену, если та не могла ее вспомнить, сама записывала и складывала цифры – повторяя проделанное Эйлиш – и позволяла ей выдать покупателю сдачу лишь после того, как выясняла, сколько денег он дал. Занимаясь всем этим, она еще успевала здороваться с некоторыми из клиентов, называя их по имени, подводя к прилавку и требуя, чтобы Эйлиш сразу же их обслужила, – махнув рукой на других.

– О, миссис Прендергаст, – в какой-то миг сказала она, – вами займется наша новая девушка, а Мэри потом отнесет покупки к вашей машине.

– Мне нужно сначала с этим закончить, – возразила Эйлиш, которой оставалось выдать стоявшему перед ней человеку всего лишь пару вещей.

– Это сделает Мэри, – сказала мисс Келли.

К этому времени перед прилавком выстроилась очередь в пять человек.

– Следующий-то я, – крикнул один из них мисс Келли, вынесшей из задней комнаты хлеб.

– Знаете, мы очень заняты, подождите, пока подойдет ваша очередь.

– Так она и подошла, – сказал мужчина, – а вы эту женщину стали обслуживать.

– И чего вы хотите?

Мужчина показал ей список продуктов.

– Эйлиш обслужит вас, – сказала мисс Келли, – только сначала ей нужно закончить с миссис Мерфи.

– И она тоже за мной была, – сказал мужчина.

– Боюсь, вы ошибаетесь, – ответила мисс Келли. – Эйлиш, поторопитесь, вас этот мужчина ждет. Никому неохота торчать здесь целый день, так что он следующий, после миссис Мерфи. Сколько вы за этот чай запросили?

Так все и длилось почти до часу пополудни. Ни перерыва, ни поесть, ни попить, а Эйлиш уже донимал голод. Очередь не соблюдалась. Некоторым покупателям, в число которых попали и две поздоровавшиеся с Эйлиш подруги Роуз, мисс Келли доверительно сообщала, что у нее имеются прекрасные свежие помидоры. Для этих двух она взвесила овощи сама, и было очевидно, что знакомство Эйлиш с ними произвело на нее немалое впечатление. Другим же она твердо объявляла, что помидоров нет, совсем никаких. Кроме того, она открыто и почти с гордостью выдавала покупателям, к которым благоволила, свежий хлеб. Проблема, поняла Эйлиш, состояла в том, что в городе не было другого магазина с таким большим выбором продуктов, да еще и открытого по воскресеньям, однако она почувствовала, что люди приходят сюда также и по привычке, против стояния в очереди ничего не имеют и даже получают удовольствие от толпы и толкотни.

Хоть Эйлиш и не собиралась в тот день рассказывать за ужином о своей новой работе – если только Роуз не заговорит об этом первой, – удержаться ей не удалось, и, едва все усадились за стол, она принялась описывать свое утро.

– Я один раз побывала в ее магазине, – сказала Роуз, – зашла по пути домой после мессы, а она обслужила вместо меня Мэри Делахант. Я развернулась и ушла. Помню, там чем-то пахло. Я не смогла понять чем. У нее ведь есть маленькая рабыня, так? Взяла ее из монастыря.

– Отец ее производил довольно приятное впечатление, – сказала мать, – однако ей надеяться было не на что, потому что ее мамаша, как я говорила тебе, Эйлиш, была воплощением зла. Я слышала, когда одна ее служанка ошпарилась, так она бедняжку даже к доктору не отпустила. Мамаша заставила Колли работать, едва та ходить научилась. Она света белого не видела, вот в чем ее беда.

– Колли Келли? – спросила Роуз. – Так ее, значит, зовут?

– В школе звали иначе.

– И как же?

– Доколе Келли. И монахини ничего с нами поделать не могли. Я хорошо ее помню, она всего на год-другой моложе меня. Каждый раз, как она возвращалась домой из монастыря, за ней шли пять-шесть девчонок, кричавших: «Доколе». Неудивительно, что она такая злющая.

Все немного помолчали, Роуз и Эйлиш переваривали рассказанное матерью.

– Тут и не знаешь, смеяться или плакать, – сказала Роуз.

Во время ужина Эйлиш обнаружила в себе способность имитировать голос мисс Келли – да так, что сестра и мать покатывались со смеху. И погадала, не единственная ли она, кто помнит, что младший из ее братьев, Джек, умел изображать воскресную проповедь, спортив-

ных радиокомментаторов, школьных учителей и многих городских персон и смешил их всех. Она не знала, понимают ли также мать с сестрой, что со времени отъезда Джека в Бирмингем смех прозвучал за их столом впервые. Ей захотелось сказать что-нибудь об этом, однако она сознавала, что может сильно опечалить мать. И потому продолжала высмеивать мисс Келли, прервавшись, лишь когда кто-то заехал за Роуз и та укатила в гольф-клуб, оставив Эйлиш с матерью убирать со стола и мыть посуду.

Направляясь тем вечером к дому Нэнси Бирн, Эйлиш понимала, что над внешностью своей поработала спустя рукава. Конечно, голову она вымыла и надела летнее платье, но все же считала, что выглядит невзрачно, а потому решила: если Нэнси станцует с Джорджем Шериданом больше одного раза, я сбегу домой. Хорошо еще, Роуз не видела, как она уходит, – сестра непременно заставила бы ее сделать что-нибудь с волосами, накраситься и вообще придать себе вид более элегантный.

– Значит, правило такое, – сказала Нэнси, – в сторону Джорджа Шеридана мы даже не смотрим, тем более что он может прийти с целой компанией из регбийного клуба, а то и вовсе не прийти. Она воскресными вечерами часто в Кортаун отправляется, эта компания. Так что мы просто сидим и разговариваем. Я ни с кем танцевать не буду – на случай, что он вдруг войдет и увидит меня. Поэтому, если кто-то подходит и приглашает нас, мы просто встаем и удаляемся в уборную.

Видно было: с помощью матери и сестры, которым она все-таки рассказала, что в прошлое воскресенье танцевала с Джорджем Шериданом, Нэнси провела серьезную подготовительную работу. В субботу она сделала в парикмахерской прическу; надела голубое платье, которое Эйлиш видела до сей поры всего один раз; накрасилась перед зеркалом ванной комнаты, куда то и дело заскакивали ее сестра и мать, чтобы подать Нэнси совет, отпустить замечание или просто сказать, до чего она хороша.

Подруги молча прошли по Фрайэри-стрит, потом по Черч-стрит, потом свернули на Кастрл-стрит, вошли в «Атенеум» и поднялись по лестнице в зал. Нервозность Нэнси не удивляла Эйлиш. Минул уже год, как прежний поклонник бросил ее, да еще и самым гнусным образом – просто заявился вот в этот самый зал с другой девушкой и весь вечер танцевал с ней, а Нэнси в упор не замечал, она же сидела у стенки и наблюдала за ним. А после уехал в Англию и вернулся лишь ненадолго – чтобы жениться на той самой девушке. Дело было даже не в том, что Джордж Шеридан красив, разъезжает на автомобиле и управляет процветающим магазином на Рыночной площади, полноправным хозяином которого он станет после смерти матери. Для Нэнси, проводившей дни за прилавком «Отборного бекона Баттлса», ухаживание Джорджа Шеридана было сладким сном, от которого ей не хотелось пробуждаться, – так думала Эйлиш, оглядывая вместе с Нэнси зал и притворяясь, будто никого в частности они найти не пытаются.

В зале танцевало лишь несколько пар да группка мужчин топталась у двери.

– Вид у них такой, точно они на коровий рынок пришли, – сказала Нэнси. – И боже ты мой, до чего же я ненавижу их бриллиантин.

– Если хоть один подойдет к нам, я встаю, – заявила Эйлиш, – а ты говоришь, что должна проводить меня в уборную.

– Нам следовало нацепить очки из бутылочного стекла, присобачить к зубам приставные челюсти да еще и волосы салом намазать, – согласилась Нэнси.

Зал понемногу наполнялся, однако Джордж Шеридан не появлялся. Некоторые из мужчин осмелели и приглашали девушек потанцевать, но к Нэнси и Эйлиш ни один так и не подошел.

– Просидим еще немного у стенки – и нас с тобой «обоями» прозовут, – сказала Нэнси.

– Бывают прозвища и похуже, – ответила Эйлиш.

– Это верно, – согласилась Нэнси. – Могут и «дохлыми паучихами» назвать.

Даже когда они отсмеялись и снова начали оглядывать зал, одна из них время от времени прыскала и к ней сразу присоединялась другая.

– По-моему, мы с тобой смахиваем на слабоумных, – сказала Эйлиш.

Однако Нэнси вдруг посерьезнела. Посмотрев в сторону безалкогольного бара, Эйлиш увидела только что появившихся Джорджа Шеридана, Джима Фаррелла, ребят из регбийного клуба и составлявших им компанию молодых женщин. Отцу Джима принадлежал паб на Рафтер-стрит.

– Ну так и есть, – прошептала Нэнси. – Я пошла домой.

– Подожди, – ответила Эйлиш. – Как закончится танец, пойдем в уборную и поговорим, решим, что нам делать.

Когда музыка смолкла, они пересекли опустевший пол; Эйлиш полагала, что Джордж Шеридан их заметил. В уборной она сказала Нэнси, что предпринимать ничего не следует, только ждать, а когда они вышли оттуда, новый танец был в полном разгаре. Посмотрев в сторону Джорджа и его друзей, Эйлиш встретила с ним глазами. Лицо Нэнси, пока они искали, где присесть, пошло красными пятнами, она походила на школьницу, которой монахини велели выйти из класса и постоять за дверью. Они сели, не произнеся ни слова, танец продолжался. Эйлиш пыталась придумать, что бы такое сказать, однако в голову приходили лишь разного рода нелепости, и потому она молчала, сознавая, впрочем, что всякого, кто надумает к ним приглядеться, зрелище ожидает плачевное. Она решила: если Нэнси хотя бы намерком предложит уйти, соглашусь сразу. Эйлиш уже не терпелось покинуть зал, даром что она хорошо понимала: спустя совсем недолгое время им обеим удастся найти в происходящем сейчас смешную сторону.

Впрочем, по окончании танца Джордж – еще до того, как музыка зазвучала снова, – пересек зал и пригласил Нэнси. Когда она встала, Джордж улыбнулся Эйлиш, и та улыбнулась в ответ. Танец начался, Джордж что-то говорил Нэнси, а она изображала веселость. Эйлиш смотрела в сторону, боясь смутить взглядом подругу, – глядела в пол и надеялась, что ее никто танцевать не пригласит. Теперь ей будет легче, думала она, тихо ускользнуть домой, как только Джордж снова попросит Нэнси потанцевать с ним.

Однако Джордж и Нэнси вернулись к ней и сказали, что собираются выпить лимонада и Джордж хотел бы угостить и Эйлиш. Она встала, направилась за ними к бару. Там стоял, оберегая место Джорджа, Джим Фаррелл. А с ним несколько их друзей – кого-то Эйлиш знала по имени, кого-то в лицо. При их приближении Джим Фаррелл обернулся, не сняв локтя со стойки. Он оглядел Нэнси и Эйлиш с головы до пят, не кивнув им, не произнеся ни слова, отворотился и сказал что-то Джорджу.

Когда вновь заиграла музыка, многие их друзья ушли танцевать, но Джим Фаррелл остался у стойки. Джордж, выдав по стакану лимонада Нэнси и Эйлиш, официально представил их Джиму, и тот коротко кивнул, но руки для пожатия не протянул. Джордж, похоже, расстроился – стоял, потягивая лимонад. Потом сказал что-то Нэнси, та ответила. Джордж снова приложился к лимонаду. Интересно, что он собирается делать? – подумала Эйлиш; ясно же, что его другу ни Нэнси, ни Эйлиш не нравятся, разговаривать с ними он не желает; не стоило ей подходить к бару. Она пила лимонад и смотрела в пол. А подняв взгляд, увидела, что Джим Фаррелл холодно изучает Нэнси, сообразив же, что Эйлиш наблюдает за ним, он переступил с ноги на ногу и повернул к ней лишенное всякого выражения лицо. На нем была дорогая спортивная куртка поверх рубашки с шейным платком.

Джордж опустил стакан на стойку и, повернувшись к Нэнси, пригласил ее на танец, а затем взглянул на Джима, словно призывая его сделать то же самое. Нэнси улыбнулась Джорджу, а за ним – Эйлиш и Джиму, поставила свой стакан и вышла с Джорджем на середину зала. У нее явно полегчало на душе, выглядела она счастливой. Эйлиш, обводя взглядом зал,

сознавала, что она и Джим остались у бара одни и что все места у стены, в которой прорезана ведущая в дамскую уборную дверь, заняты. Она словно в капкан попала и уйти может только в уборную или домой. На секунду ей показалось, что Джим Фаррелл сейчас шагнет к ней и пригласит потанцевать, и она готова была принять это приглашение, выбора у нее не осталось – не грубить же приятелю Джорджа. Однако Джим Фаррелл, по-видимому, передумал – отступил на шаг и почти надменно обвел зал взглядом, игнорируя Эйлиш. В ее сторону он так больше и не посмотрел, и, когда танец закончился, она подошла к Нэнси и тихо сказала, что уходит, – скоро увидимся. Потом пожала Джорджу руку, извинилась, сославшись на усталость, и со всем достоинством, на какое была способна, удалилась.

На следующий вечер, за чаем, она рассказала о случившемся матери и Роуз. Новость о том, что Нэнси два воскресных вечера подряд танцевала с Джорджем Шериданом, пробудила в них интерес, однако еще сильнее оживились они, услышав о грубости Джима Фаррелла.

– Ты больше к «Атенеуму» и близко не подходи, – посоветовала Роуз.

– Ваш отец хорошо знал его отца, – сказала мать. – Много лет назад. Несколько раз они вместе ходили на бег. А иногда ваш отец выпивал в пабе Фаррелла. Там всегда так чисто было. И мать его была милейшей женщиной, она из гленбриенских Дагганов. Его, должно быть, регбийный клуб испортил. Наверное, родители Джима горюют, что их сын такой задавака, он ведь единственный их ребенок.

– Да он и говорит как задавака, и выглядит тоже, – сказала Роуз.

– Ну, вчера вечером он был в плохом настроении, – сообщила Эйлиш. – Больше мне о нем сказать нечего. Полагаю, он считает, что Джорджу следовало выбрать кого-то пошикарнее Нэнси.

– Это его не извиняет, – сказала мать. – Нэнси Бирн – одна из самых красивых девушек в городе. Джорджу повезет, если он ее заполучит.

– Интересно, что скажет на сей счет его мамаша, – заметила Роуз.

– Лавочники в нашем городе, – сказала мать, – все эти любители купить подешевле, а продать подороже, всего-то и имеют, что несколько ярдов прилавка, за которым они как пришитые сидят, карауля покупателей. Не понимаю, почему они мнят о себе столько.

Хотя мисс Келли и платила Эйлиш за воскресную работу лишь семь шиллингов и шесть пенсов, она нередко присылала за ней Мэри – то пожелав сходить, не закрывая магазин, в парикмахерскую, то для того, чтобы Эйлиш сняла с полок все консервные банки, отерла с них пыль и вернула на место. Каждый раз мисс Келли выдавала ей по два шиллинга, но задерживала на несколько часов, при всяком удобном случае жалуясь на Мэри. А когда Эйлиш уходила, мисс Келли непременно всучала ей – для матери – буханку хлеба, всегда зачерствелого.

– Она, верно, нищими нас считает, – как-то сказала мать. – Ну зачем нам черствый хлеб? Роуз попросту взбесится. Когда придет за тобой снова, не ходи. Скажи, что занята.

– Так я же не занята.

– Рано или поздно тебе тоже подвернется настоящая работа. Я каждый день об этом молюсь.

Мать пустила хлеб на панировочные сухари и поджарила в них свинину. Откуда взялись сухари, Роуз она не сказала.

Однажды в обеденный перерыв Роуз, которая приходила домой из офиса в час и возвращалась на работу без четверти два, рассказала, что прошлым вечером играла в гольф со священником, отцом Флудом, много лет назад знавшим их отца и мать, тогда еще юную девушку. Он приехал из Америки на родину впервые с довоенного времени.

– Флуд? – переспросила мать. – Вокруг Монагира жило много Флудов, но я не помню, чтобы кто-то из них подался в священники. Не знаю, что с ними случилось, теперь ни одного не видать.

– Но ведь есть еще Мерфи Флудз, – заметила Эйлиш.

– Это другое, – ответила мать.

– Так или иначе, он сказал, что хотел бы навестить тебя, и я пригласила его к чаю, – сообщила Роуз. – На завтра.

– О боже, – взволновалась мать. – Что любит к чаю американский священник? Придется запастись ветчиной.

– Самая лучшая ветчина у мисс Келли, – улыбнулась Эйлиш.

– У мисс Келли никто ничего покупать не собирается, – ответила Роуз. – А отец Флуд съест все, что мы ему подадим.

– Как ты думаешь, ветчина с помидорами и латуком подойдет? Или, может быть, рост-биф? Или он жареную картошку любит?

– Все подойдет, – сказала Роуз. – Было бы только побольше ржаного хлеба да масла.

– Накрыть придется в столовой и фарфоровую посуду выставить. Может, мне кусочек семги купить? Станет он ее есть?

– Он очень славный, – ответила Роуз. – Что перед ним поставят, то и съест.

Отец Флуд оказался высоким мужчиной со смешанным американо-ирландским выговором. Ничто из его слов не убедило мать Эйлиш в ее давнем знакомстве с ним или его родными. Его матушка, сообщил отец Флуд, была из Рочфордов.

– Не думаю, что я ее знала, – сказала мать. – Единственным известным нам Рочфордом был старый Носач.

Глаза отца Флуда посерьезнели.

– Это мой дядя.

– Правда? – спросила мать. Эйлиш увидела, что она с трудом удерживается от нервного смешка.

– Конечно, мы его Носачом не называли, – сказал отец Флуд. – Его настоящее имя – Шеймус.

– Он был очень славный, – сказала мать. – Разве не безобразие, что мы наградили его таким прозвищем?

Роуз налила всем еще чаю, а Эйлиш вышла из комнаты, опасаясь, что не удержится от искушения и расхохочется.

Вернувшись, она обнаружила, что отец Флуд уже выслушал рассказ о ее работе у мисс Келли, узнал, сколько та ей платит, и малость этой суммы возмутила его. Он расспросил о ее квалификации.

– В Соединенных Штатах, – сказал он, – для девушки вроде вас нашлась бы масса работы, и за хорошую плату.

– Она подумывала об Англии, – сказала мать, – но мальчишки уверяют, что надо подождать, там сейчас не лучшее время и устроиться она сможет только на фабрику.

– В Бруклине, где находится мой приход, каждый, кто трудолюбив, образован и честен, может найти место в офисе.

– Но Америка так далеко, – сказала мать. – Это серьезная помеха.

– Некоторые районы Бруклина, – продолжал отец Флуд, – удивительно похожи на Ирландию. Куда ни глянь – сплошные ирландцы.

Он перекрестил ноги, отпил чаю и некоторое время не произносил ни слова. Наступившая тишина ясно поведала Эйлиш, о чем все думают. Она взглянула на мать, и та намеренно, как показалось Эйлиш, не ответила ей взглядом, а продолжала смотреть в пол. Роуз, которая обычно хорошо умела поддерживать разговор с гостями, тоже словно воды в рот набрала. Просто сидела, покручивая на пальце кольцо, а потом переключилась на браслет.

– Переезд в Америку открывает перед человеком большие возможности, – объявил наконец отец Флуд. – Особенно перед молодым.

– Там, наверное, очень опасно, – сказала, по-прежнему глядя в пол, мать.

– Только не в моем приходе, – ответил отец Флуд. – В моем живут милейшие люди. И жизнь у нас бьет ключом почище, чем в Ирландии. А работа есть для каждого, кто готов работать.

Эйлиш чувствовала себя, как в детстве, когда в дом приходил врач и мать слушала его с испуганной почтительностью. А вот молчание Роуз было чем-то новым. Эйлиш взглянула на нее, желая, чтобы сестра задала какой-нибудь вопрос или высказалась, однако та словно в некий сон погрузилась. Эйлиш подумала вдруг, что никогда не видела Роуз такой красивой. Тут она обнаружила, что уже пытается запомнить эту комнату, сестру, всю сцену как будто увиденными издали. И пока длилось молчание, поняла, что каким-то образом все успели безмолвно условиться: Эйлиш должна поехать в Америку. Сестра, наконец-то сообразила она, и пригласила отца Флуда в дом, потому что знала: он может это устроить.

Мать так противилась ее переезду в Англию, что эта мысль стала для Эйлиш потрясением. Интересно, пошли бы мама с сестрой на такой разговор, если бы она не начала работать в магазине, не рассказывала бы им об унижениях, которые еженедельно сносит от мисс Келли? И Эйлиш пожалела, что так много всего наболтала; но ведь она делала это главным образом потому, что ее рассказы смешили Роуз и маму, делали семейные трапезы веселыми, облегчали и украшали их жизнь лучше, чем все, что произошло после смерти отца и отъезда мальчиков. Ее только теперь осенило, что они вовсе не находили ее работу у мисс Келли забавной и именно поэтому ни словом не возразили отцу Флуду, когда он закончил нахваливать свой приход и заверил всех, что сможет подыскать для Эйлиш подходящее место.

В следующие дни о визите отца Флуда и возможном переезде в Бруклин никто не упоминал, и само это молчание убедило Эйлиш в том, что мать с Роуз все обсудили и переезд одобрили. Меж тем сама она никогда об Америке не думала. Многие из ее знакомых перебрались в Англию и нередко приезжали оттуда на Рождество или летом. В городе это было обычным делом. И хотя Эйлиш знала людей, которые регулярно получали из Америки подарки – доллары, одежду, – но присылали их дядюшки и тетушки, которые эмигрировали туда задолго до войны. Никто из них в отпуск или на праздники в город не приезжал, никогда. Эйлиш понимала, что это потребовало бы долгого, по меньшей мере недельного, да наверняка и дорогостоящего плавания через Атлантику. Кроме того, она знала, хоть и не смогла бы сказать откуда, что молодые мужчины и девушки из их города уезжали в Англию ради самой обычной работы и самых обычных денег, а вот те, кто отправлялся в Америку, могли там разбогатеть. Не могла она докопаться и до истоков своей уверенности в том, что если перебравшиеся в Англию люди скучали по Эннискортти, то никто из уехавших в Америку по дому не тосковал. Напротив, все они были счастливы и гордились собой. Интересно, правда ли это?

Больше отец Флуд у них не появлялся, но, вернувшись в Бруклин, написал матери, что сразу по приезде поговорил об Эйлиш с одним своим прихожанином, коммерсантом итальянских кровей, и ныне спешит уведомить миссис Лейси, что вскоре у того появится вакантное место. Не в офисе, как он рассчитывал, но в торговом зале большого универмага, которым владеет и управляет этот джентльмен. Однако, добавлял отец Флуд, он уверен, что стоит Эйлиш хорошо показать себя на первой работе, как перед ней откроется масса возможностей. Ему удалось также, сообщал он, собрать положенные документы, которые удовлетворят посольство, что в наши дни не очень легко, а кроме того, он уверен, что сможет подыскать для Эйлиш достойное жилье – рядом с церковью и неподалеку от работы.

Прочитав письмо, мать передала листок младшей дочери. Роуз к этому времени уже ушла на службу. В кухне повисло молчание.

– Он кажется очень чистосердечным человеком, – наконец сказала мать. – В этом ему не откажешь.

Эйлиш еще раз перечитала фразу о торговом зале. По-видимому, ей предстоит работать за прилавком. О том, сколько она будет получать и где возьмет деньги на билет, отец Флуд ничего не написал. Вместо этого он предложил ей обратиться в американское посольство в Дублине и в точности выяснить, какие документы необходимо собрать перед поездкой. Пока она читала и перечитывала письмо, мать, не глядя на нее, молча бродила по кухне. Эйлиш сидела за столом и тоже молчала, прикидывая, сколько пройдет времени, прежде чем мать повернется к ней и что-нибудь скажет, – и решила, что будет просто сидеть и ждать, зная, что занять себя на кухне матери сейчас нечем. Она придумывает себе занятие, понимала Эйлиш, лишь бы не смотреть на нее.

В конце концов мать вздохнула и все-таки произнесла:

– Подержи письмо у себя, покажем его Роуз, когда она вернется.

В следующие недели Роуз удалось организовать все необходимое – она сумела даже обаять по телефону какую-то персону из американского посольства в Дублине, и та прислала нужные анкеты, список врачей, обладавших правом выдать официальное заключение о состоянии здоровья Эйлиш, и перечень других потребных посольству бумаг, а именно предложение конкретной работы, которую Эйлиш сможет выполнять благодаря ее уникальной квалификации, гарантийное обязательство финансовой поддержки, ожидающей ее по приезде, и определенное количество персональных рекомендаций.

Отец Флуд прислал официальное обещание финансировать Эйлиш, обеспечить ей пристанище, равно как и проследить за ее общим и денежным благополучием; кроме того, от «Барточчи и Компания», Бруклин, Фултон-стрит, прибыло письмо на фирменном бланке, предлагавшее Эйлиш постоянную работу в расположенном по тому же адресу большом магазине и упоминавшее о ее опытности и мастерстве по части ведения бухгалтерского учета. Письмо было подписано Лорой Фортини, почерк у нее, отметила Эйлиш, был отчетливый и красивый, да и сама светло-голубая бумага с оттиснутым над названием фирмы изображением большого здания казалась более тяжелой, дорогой и многообещающей, чем любой бланк, виденный Эйлиш до той поры.

Было решено, что проезд до Нью-Йорка оплатят ее живущие в Бирмингеме братья. Роуз даст деньги, на которые она поживет, осваиваясь на новом месте. Эйлиш уведомила о своей новости подруг, попросив ничего никому не рассказывать, понимая, впрочем, что кто-то из коллег Роуз наверняка слышал ее телефонные переговоры с Дублином; да и маме, несомненно, не удастся сохранить все в тайне. И потому надумала сходить к мисс Келли и рассказать ей о предстоящих переменах, пока та не услышала о них от кого-то еще. Самое правильное, решила Эйлиш, сходить в лавку в будний день, когда торговля идет не слишком бойко.

Мисс Келли она застала за прилавком. Мэри, стоя на верхушке стремянки, раскладывала по верхним полкам пакеты мозгового гороха.

– О, вы пришли в самое неудачное время, – сказала мисс Келли. – Как раз когда мы подумали, что сможем недолго подышать спокойно. Но, зачем бы вы ни пришли, не потревожьте нашу Мэри, – она повела подбородком в сторону лестницы, – а то, увидев вас, она тут же и сверзится.

– Я пришла лишь для того, чтобы сказать: примерно через месяц я уеду в Америку, – ответила Эйлиш. – Получила там работу и решила известить вас заранее.

Мисс Келли попятилась от прилавка.

– Это правда? – спросила она.

– Но разумеется, по воскресеньям я до самого отъезда буду приходить сюда.

– Вам что, рекомендация требуется?

– Нет. Вовсе нет. Я просто хотела сообщить вам эту новость.

– Что же, очень мило. Выходит, мы сможем видеть вас, только когда вы станете приезжать домой в отпуск. Если, конечно, вы все еще будете к тому времени разговаривать хоть с кем-то из нас.

– Так я приду сюда в воскресенье?

– О нет, вы нам больше не понадобится. Уходите – так уходите.

– Но я могла бы еще поработать.

– Нет, не могли бы. О вас пойдут разговоры, вы станете отвлекать покупателей, а мы, как вам известно, по воскресеньям и без того с ног сбиваемся.

– Я надеялась, что смогу поработать до отъезда.

– Только не здесь. Поэтому – ступайте себе. У нас куча работы, сегодня товар доставляют, его надо расставить по полкам. Разговаривать нам некогда.

– Что же, большое вам спасибо.

– И вам спасибо.

И мисс Келли скрылась в подсобке, а Эйлиш посмотрела на Мэри – не обернется ли та, чтобы они могли попрощаться. Мэри не обернулась, и Эйлиш молча покинула магазин.

Мисс Келли оказалась единственной, кто упомянул о возможности ее приездов в отпуск. Никто другой даже не заикнулся. До сих пор Эйлиш всегда полагала, что проживет в городе всю свою жизнь, совсем как мама, зная всех и каждого, общаясь с теми же подругами и соседями, привычно прогуливаясь все по тем же улицам. Надеялась найти в городе работу, а потом выйти замуж и оставить ее ради детей.

Теперь же она казалась себе избранной для чего-то, к чему готовой ничуть не была, и эта избранность хоть и порождала страх, но внушала чувство, а вернее, совокупность чувств, которые, думалось Эйлиш, она могла бы испытывать в предсвадебные дни, когда все смотрели бы на нее, занятую торопливыми приготовлениями, с каким-то особым светом в глазах, а сама она, не находя себе места от волнения, очень старалась бы не думать о том, что ждет ее в ближайшие недели, дабы не пасть от таких размышлений духом.

Каждый день приносил что-то новое. Присланные посольством анкеты были заполнены и отправлены назад. Она съездила поездом в Уэксфорд ради поверхностного, как ей показалось, медицинского осмотра – доктор удовлетворился ее словами, что никто в их семье чахоткой не болел. Отец Флуд прислал более подробное письмо о том, где она будет жить по приезду, упомянув о близости этого жилья к месту ее работы; пришли билеты на отправлявшееся из Ливерпуля в Нью-Йорк судно. Роуз дала ей денег на новую одежду и пообещала купить обувь и пару комплектов нижнего белья. Все в доме, думала Эйлиш, необычайно, даже неестественно счастливы, а усаживаясь за стол, слишком много говорят и смеются. Это напоминало ей о неделях перед отъездом Джека в Бирмингем, когда они готовы были делать что угодно, лишь бы не думать о том, что скоро останутся без него.

В конце концов – в тот день к ним заглянула и уселась на кухне пить чай соседка – Эйлиш поняла, что мать и Роуз из последних сил стараются скрыть свои подлинные чувства. Соседка почти мимоходом, просто чтобы поддержать разговор, сказала:

– Думаю, вы будете скучать по ней, когда она уедет.

– Ох, ее отъезд просто убьет меня, – ответила мать.

Лицо ее потемнело, застыло, Эйлиш не видела у нее такого лица многие месяцы – с тех пор, как умер отец. Соседку эти слова, похоже, застали врасплох, а мать совсем помрачнела и тихо покинула кухню. Пошла поплакать, поняла Эйлиш. Ее это удивило настолько, что она не последовала за матерью, а завела с соседкой разговор о всякой ерунде, надеясь, что мама скоро вернется и они смогут возобновить беседу, выглядевшую еще так недавно самой обычной.

Даже проснувшись той ночью и обдумывая случившееся, Эйлиш не позволила себе заключить, что уезжать ей не хочется. Она продолжала готовиться к отъезду, беспокоиться о

том, как потащит без всякой помощи два чемодана с одеждой и как бы ей не потерять подаренную Роуз сумку, в которой будут лежать паспорт, адреса будущего жилья и работы в Бруклине и адрес отца Флуда – на случай, если он не сможет встретить ее, как обещал. И деньги. И косметичка. Плащ она, наверное, перекинет через локоть, думала Эйлиш, а то и наденет, если будет не слишком жарко. Ее предупредили, что в сентябре там еще бывает жарко.

Один чемодан она уже уложила и надеялась, мысленно перебирая все поместившееся туда, что снова открывать его не придется. Как-то ночью Эйлиш лежала без сна, и ее вдруг поразила мысль, что в следующий раз она откроет этот чемодан в чужой комнате и в чужой стране, а следом пришла еще одна мысль, незваная: она была бы счастливее, если бы его открыла другая женщина – забрала бы себе всю ее одежду и обувь и носила бы их что ни день. А сама она предпочла бы остаться, жить в этом доме, обойтись без новой одежды и обуви. Уже произведенные приготовления, все хлопоты и разговоры – было бы лучше, если б они относились к кому-то другому, думала Эйлиш, к женщине одних с ней лет и роста, может быть даже одной внешности, лишь бы она, та, что думает об этом сейчас, могла каждое утро просыпаться в привычной постели, ходить, пока тянется день, по привычным улицам и возвращаться домой, на кухню, к маме и Роуз.

Но, позволяя этим мыслям бежать со всей доступной им быстротой, Эйлиш все-таки останавливалась, когда ее сознание подходило к настоящему страху, если не ужасу или чему-то похуже, к размышлениям о том, что ей предстоит навсегда потерять ее мир, что она никогда больше не сможет провести привычный день в этом привычном доме, что остаток ее жизни обратится в борьбу с неведомым. Впрочем, сходя вниз, к Роуз и маме, она разговаривала с ними о делах практических и сохраняла веселость.

Как-то вечером Роуз позвала сестру в свою комнату – выбрать украшения, которые та возьмет с собой, и там Эйлиш пришло в голову нечто новое, удивившее ее своей силой и ясностью. Роуз уже тридцать лет, а поскольку очевидно, что невозможно оставить маму жить одну – не просто из-за малости ее пенсии, но потому, что ей будет слишком тоскливо без детей, – отъезд Эйлиш, с такой скрупулезностью подготовленный ее сестрой, означает, что выйти замуж Роуз не сможет. Ей придется остаться с мамой, жить, как сейчас, работать в офисе «Дэвиса», играть по уик-эндам и летними вечерами в гольф. Облегчая ей расставание с домом, поняла Эйлиш, Роуз отказывается от надежд покинуть его самой, обзавестись собственным домом, собственной семьей. Сидя перед зеркалом и примеряя какие-то бусы, Эйлиш понимала, что в будущем, когда мама состарится и ослабнет, Роуз придется еще больше заботиться о ней, подниматься по крутой лестнице с подносом еды, прибираться в квартире, готовить, потому что мама делать это уже не сможет.

А когда она занялась примеркой сережек, ее вдруг озарило: Роуз тоже понимала все это, сознавала, что покинуть дом может либо она, либо Эйлиш, и решила отпустить ее. Эйлиш повернулась, чтобы взглянуть на сестру, ей захотелось предложить Роуз поменяться местами, сказать, что она, так хорошо подготовленная к жизни, так легко заводящая друзей, была бы в Америке счастливее, между тем как Эйлиш с большим удовольствием останется дома. Однако у Роуз имелась в городе работа, а у нее не имелось никакой, Роуз было легче пожертвовать собой, поскольку она могла сделать вид, что ничем и не жертвует. В эти мгновения наедине с сестрой, предлагавшей ей увезти в Америку несколько брошек, Эйлиш отдала бы все за способность четко сказать, что уезжать она не хочет, пусть вместо нее едет Роуз, а сама она будет лишь рада сидеть здесь и заботиться о маме, они как-нибудь справятся, и, может быть, ей все же удастся найти работу.

Эйлиш погадала, считает ли и мама, что дом покидает не та сестра, какой следовало бы, понимает ли она побуждения Роуз? Ей казалось, что мама понимает все. Они знают столь многое, каждая из них, думала Эйлиш, что могли бы позволить себе любые поступки, кроме одного – высказать свои мысли вслух. И, возвращаясь к себе в комнату, решила, что сделает для

них все, притворится восхищенной великим приключением, которое ей предстоит. Заставит их, если сможет, поверить, что радостно предвкушает и Америку, и свою первую разлуку с домом. И не позволит себе даже малейшего намека на истинные свои чувства, будет скрывать их даже от себя – пока не уедет.

В доме и так хватает печалей, возможно, их даже больше, чем Эйлиш думала. И она постарается не добавлять к ним новых. Маму и Роуз не одурачишь, конечно, но существовала веская причина, по которой ее отъезд не должен сопровождаться слезами. Они не понадобятся. Что ей потребуется в оставшиеся до отъезда дни, так это улыбка. Пусть они помнят ее улыбающейся.

Роуз взяла на работе отгул и поехала с сестрой в Дублин. Они позавтракали в отеле «Грэшем» – нужно было скоротать время перед тем, как поймать такси и поехать к судну, идущему в Ливерпуль, где Джек пообещал встретить Эйлиш и провести с ней день перед началом долгого плавания в Нью-Йорк. В тот дублинский день Эйлиш поняла: отправиться работать в Америку – это совсем не то, что уплыть в Англию; Америка, может, и далека и совершенно чужда по своим правилам и повадкам, но это почти искупается ее волшебным обаянием. Даже полученная с помощью священника работа в бруклинском магазине и жизнь в нескольких кварталах от него были овеяны романтикой, которую она и Роуз, оставив багаж на железнодорожном вокзале и заказав в «Грэшеме» завтрак, сознавали с полной ясностью. В сравнении с этим служба в магазине Бирмингема, или Ливерпуля, или Ковентри, или даже Лондона была чистой воды скукой.

Одета Роуз была в тот день прекрасно, ну и Эйлиш постаралась принарядиться. Одной лишь улыбки Роуз, посланной отельному портье, хватило, чтобы он, попросив сестер обождать в вестибюле, вышел на О'Коннелл-стрит и поймал для них такси. В порту всех, у кого не было билетов, останавливали на определенном расстоянии от судна, и снова Роуз добилась для себя исключения – с помощью билетного контролера, который подозвал коллегу и попросил помочь двум молодым леди с их чемоданами. Роуз этот коллега сказал, что она может побыть на борту – за полчаса до отплытия он найдет ее и проводит на берег, а перед тем подыщет кого-нибудь, кто позаботится о ее сестре по пути в Ливерпуль. Такого обхождения не удостоиваются даже пассажиры первого класса, сказала Эйлиш Роуз, и сестра, понимая улыбаясь, согласилась.

– Хороших людей на свете хватает, – сказала Роуз, – и если с ними правильно разговаривать, они становятся еще лучше.

Обе рассмеялись.

– В Америке это будет моим девизом, – пообещала Эйлиш.

В Ливерпуль судно прибыло ранним утром, корабельный носильщик помог ей с багажом. Услышав, что в Америку она отплывет только под вечер, носильщик посоветовал сразу же отнести чемоданы поближе к месту швартовки трансатлантических лайнеров, там есть навес, под которым работает его друг; если она назовет ему имя носильщика, то сможет на весь день освободиться от чемоданов. Эйлиш поблагодарила его, обнаружив при этом, что говорит с интонациями Роуз – с теплыми, проникновенными, но также и сдержанными, хоть и лишенными робости интонациями женщины, которая полностью владеет собой. В родном городе, да и в любом из мест, где она могла столкнуться со знакомыми или родственниками, за ней прежде таких не водилось.

Джека Эйлиш заметила, едва начав спускаться по трапу. Она не знала, следует ей обнять его или нет. Прежде они не обнимались никогда. Он протянул ей руку, Эйлиш остановилась, взглядела в него. Джек казался смущенным – пока не улыбнулся. И она шагнула к нему, словно собираясь обнять.

– Ну ладно, ладно, – сказал он, ласково отталкивая ее. – Люди подумают...

– Что?

– Ужасно рад тебя видеть, – сказал Джек. И покраснел. – Правда, ужасно рад.

Он поблагодарил носильщика, назвав его «другом», взял чемоданы сестры. Когда он повернулся к Эйлиш, та снова попыталась обнять его, но Джек ей не позволил.

– Ну хватит уже, – сказал он. – Роуз прислала мне кучу инструкций, одна гласит: никаких поцелуев и объятий.

И засмеялся.

Они шли по оживленному порту, где разгружались и грузились суда. Джек уже отыскал то, на котором предстояло отплыть Эйлиш, и, оставив, как было договорено, чемоданы под навесом, они пошли посмотреть на это судно. Лайнер стоял немного в стороне от других кораблей, массивный, куда более величавый, белый и чистый, чем окружавшие его торговые суда.

– Вот он и доставит тебя в Америку, – сказал Джек. – Это как с терпением и временем.

– А что с терпением и временем?

– Терпение и время даже улитку в Америку приведут. Ты разве никогда не слышала этого?

– Ой, не говори глупостей, – сказала Эйлиш, толкнула его локтем в бок и засмеялась.

– Папа часто повторял это, – сказал Джек.

– Когда я выходила из комнаты, – ответила она.

– Терпение и время даже улитку в Америку приведут, – повторил он.

День стоял ясный. Они молча покинули порт и направились к центру города. Эйлиш хотелось вновь оказаться в своей спальне или даже на корабле, уже пересекающем Атлантику. Поскольку подняться на борт ей предстояло самое раннее в пять пополудни, она прикидывала, как бы им провести день. Увидев первое же кафе, Джек спросил, не голодна ли она.

– Булочку съела бы, – ответила Эйлиш, – и, может быть, выпила чашку чая.

– В таком случае постарайся получить удовольствие от последней твоей чашки чая, – сказал Джек.

– Разве в Америке нет чая? – спросила она.

– Шутишь? Они там детей едят. И разговаривают с набитыми ртами.

Эйлиш отметила, что, когда к ним подошел официант, Джек спросил его о столике тоном почти извиняющимся. Они уселись у окна.

– Роуз велела накормить тебя хорошим обедом – вдруг судовая еда тебе не понравится, – сказал Джек.

Заказали чай, Эйлиш окинула взглядом кафе и спросила:

– На кого они похожи?

– Кто?

– Англичане.

– Честные, порядочные люди, – сказал Джек. – Ценят тех, кто исполняет свою работу. Это все, что их волнует, большинство из них. На улице тебе могут крикнуть что-нибудь обидное, но только субботней ночью. Мы не обращаем на это внимания.

– И что они кричат?

– Ничего такого, что можно повторить приличной, отбывающей в Америку девушке.

– Скажи!

– Ни в коем случае.

– Плохие слова?

– Да, но мы быстро научились пропускать их мимо ушей, к тому же у нас свои пабы, поэтому если с нами что и случается, то лишь по дороге домой. Правило такое: никогда не отвечать на ругань, делать вид, что ничего не случилось.

– А на работе?

– Ну, там все иначе. Я работаю на складе запасных частей. Туда свозят со всей страны старые автомобили, вышедшие из строя станки. Мы разбираем их и продаем по частям – все, вплоть до винтов и металлического лома.

– А чем занимаешься ты? Мне можешь рассказать все. – Эйлиш улыбнулась брату.

– Я отвечаю за инвентаризацию. Когда автомобиль разбирают, я составляю список всех деталей, а в старых машинах попадаются очень редкие. Я знаю, где они хранятся, какие из них уже проданы, а какие нет. Придумал систему, которая позволяет легко отыскивать оставшиеся. Проблема у меня только одна.

– Какая?

– Большинство тех, кто работает в компании, считают, что они вправе утащить домой любую деталь, какая понадобилась какому-то их приятелю.

– Как же ты с этим борешься?

– Я убедил босса, что нам следует позволить любому нашему работнику забирать все, что он хочет, за половинную цену – так у нас немного больше порядка будет. Но люди все равно воруют. Инвентаризацию мне поручили потому, что меня рекомендовал боссу один его друг. Я запасных частей не краду. Не потому, что я такой честный и прочее. Просто знаю, что меня схватили бы за руку, и не хочу рисковать.

– С Патом и Мартином часто видишься?

– Тебе бы викторины на радио вести.

– Ты пишешь прекрасные письма, но всего, что нам хочется знать, в них нет.

– Тут мне рассказать особенно нечего. Мартин слишком часто переходит с места на место, но, похоже, на нынешней его работе он задержится. Мы встречаемся субботними вечерами, все трое. Паб, потом танцы. Перед этим отмываемся дочиста, принаряжаемся. Жаль, что ты не в Бирмингем переезжаешь, к тебе бы очередь по субботам выстраивалась.

– Ужас какой.

– Нет, там зашибенно. И мужчин больше, чем женщин.

Они прогуливались по центру города, разговаривая и смеясь. Эйлиш удивляло, что временами оба говорили, как умудренные взрослые люди, – Джек рассказывал ей о своей работе, об уик-эндах, – а потом вдруг обращались в детей или подростков, высмеивали друг дружку, обменивались анекдотами. Ей казалось странным, что рядом не появляется вдруг ни мама, ни Роуз, дабы попросить их вести себя потише, и в тот же миг она сознавала, что они с братом идут по большому городу, никому ничем не обязанные, и заняться им до пяти часов, когда она заберет свои чемоданы и направится с билетом в руке к судну, особо нечем.

– Ты когда-нибудь думал о том, чтобы вернуться домой? – спросила она Джека, бесцельно бредя с ним по центру города, нагуливая аппетит перед посещением ресторана.

– Ай, да что мне там делать? В первые несколько месяцев, когда я ничего в Бирмингеме не знал, мне отчаянно хотелось домой. Я бы на все пошел ради этого. Но теперь привык, мне нравится моя зарплата, независимость. Нравится мой нынешний босс, да и прежний нравился, оба никогда не задавали мне вопросов, просто присмотрелись к тому, как я работаю, и решили, что я им гожусь. И никогда ко мне не лезли, а если я предлагал что-то, какой-нибудь способ улучшить нашу работу, внимательно меня слушали.

– А девушки английские, какие они? – спросила Эйлиш.

– Одна очень хороша, – ответил Джек. – За остальных ручаться не могу.

И покраснел.

– Как ее зовут?

– Больше ты из меня ничего не вытянешь.

– Маме я не скажу.

– Это я уже слышал. Я и так тебе лишнего наболтал.

- Надеюсь, ты не водишь ее по субботам на какие-нибудь задрипанные танцульки.
 - Она хорошо танцует. Ничего не имеет против. И это не задрипанные танцульки.
 - У Пата с Мартином подружки есть?
 - Мартин перед девушками пасует.
 - А девушка Пата тоже англичанка?
 - Хочешь побольше вынюхать, да? Теперь понятно, почему они просили тебя встретить.
 - Так она англичанка?
 - Она из Маллингара.
 - Если не скажешь, как зовут твою девушку, я про тебя всем расскажу.
 - Что расскажешь-то?
 - Что по субботним вечерам ты таскаешь ее на задрипанные танцульки.
 - Ничего я тебе больше не скажу. Ты еще хуже Роуз.
 - Наверное, какое-нибудь вычурное английское имечко. Вот подожди, мама все узнает.
- Надо же, ее любимый сыночек.
- Не говори ей ни слова.

Тащить чемоданы по узким лестницам лайнера было трудно, а по коридору Эйлиш, следовавшей указателям, которые вели к ее каюте, пришлось передвигаться бочком. Она знала, что все билеты на лайнер распроданы и каюту ей придется с кем-то делить.

Каюта оказалась совсем маленькой, с койками в два яруса, без окна и даже без вентиляции, с дверью в крошечную ванную комнату, которая, как было сказано Эйлиш, обслуживала и еще одну каюту, смежную. Внутри висела табличка, гласившая, что, покидая уборную, следует отпирнуть дверь на другой ее стороне, предоставляя соседям доступ в нее.

Эйлиш забросила один чемодан на багажную полку, а другой прислонила к стене. Прикинула, не переодеться ли, поразмыслила, чем занять себя до ужина, который подадут пассажирам третьего класса после отплытия. Роуз уложила в один из чемоданов две книги, однако свет в каюте был слишком тускл для чтения. Эйлиш прилегла на койку, закинула руки за голову, радуясь, что первая часть путешествия позади, хоть до прибытия на место и осталась целая неделя, которую нечем будет занять. Хорошо бы и все остальное далось ей так же легко!

Одно из высказываний Джека запало ей в память, потому что обычно он так сильно не выражался. Джек сказал, что поначалу готов был на все, лишь бы вернуться домой, – странно. В письмах его ничего об этом не говорилось. Ее удивляло, что он никому о своих чувствах не рассказывал, даже братьям, – наверное, ему было очень одиноко. Может быть, думала Эйлиш, каждый из братьев прошел через это и просто чувствовал томившую других тоску по дому. И поняла: если то же самое случится с ней, она-то будет совсем одна, ей останется надеяться лишь на свою готовность к тому, что с ней произойдет, к любым чувствам, какие она испытает, поселившись в Бруклине.

Внезапно дверь отворилась и в каюту вошла, волоча за собой здоровенный чемодан, женщина. На Эйлиш, которая сразу же встала и спросила, не нужна ли помощь, женщина никакого внимания не обратила. Просто втянула чемодан в крошечную каюту и попыталась закрыть дверь, но не смогла – места для этого не хватило.

– Это ад, – сказала она с английским выговором и приступила к попыткам поставить чемодан на попа. А преуспев в этом, постояла немного в пространстве между койками и стеной. Для двоих места в каюте явно не хватало. Даже воздвигнутый вертикально, чемодан почти блокировал дверь.

– Ваша койка верхняя, – сказала женщина. – Номер один закреплен за нижней, а в моем билете значится он. Так что перебирайтесь. Я – Джорджина.

Эйлиш в свой билет заглядывать не стала, просто представилась.

– Меньших кают не бывает, – сказала Джорджина, – здесь и для кошки места не хватит.

Эйлиш с трудом удержалась от смеха и пожалела об отсутствии Роуз, которой могла бы признаться, что едва не спросила Джорджину, плывет ли та до Нью-Йорка или собирается сойти где-то по пути.

– Покурить бы, – сказала Джорджина, – да здесь не дозволено.

Эйлиш полезла по маленькой лесенке на верхнюю койку.

– Никогда больше, – заявила Джорджина. – Никогда.

Тут уж Эйлиш не удержалась:

– Никогда не станете связываться с таким большим чемоданом или никогда больше не поплывете в Америку?

– Никогда не поплыву третьим классом. Никогда не прикоснусь к чемодану. Никогда не поеду домой, в Ливерпуль. Просто никогда, и все. Такой ответ вас устроит?

– Но вы довольны хотя бы тем, что у вас нижняя койка? – спросила Эйлиш.

– Да, довольна. Значит, так, вы ирландка, поэтому пойдем покурим.

– Простите, я не курю.

– Такое мое везенье. Попутчица без дурных привычек.

Джорджина с трудом протиснулась мимо чемодана и покинула каюту.

Позже, когда заработал двигатель корабля, расположенный, казалось, на удивление близко к их каюте, и начали повторяться через равные промежутки времени гулкие гудки, Джорджина вернулась, чтобы взять плащ и, причесавшись в ванной комнате, пригласила Эйлиш подняться с ней на палубу, полюбоваться на удалявшиеся огни Ливерпуля.

– Может, познакомимся с кем-то, кто нам приглянется, – сказала она, – и нас пригласят выпить в салоне первого класса.

Эйлиш, достав плащ и шарфик, последовала за Джорджиной, не без труда обогнув ее чемодан. Она не могла понять, как та ухитрилась стащить его вниз по лестнице. И только когда они уже стояли в тускневшем вечернем свете на палубе, ей удалось как следует разглядеть женщину, с которой она разделяла каюту. Лет Джорджине, решила она, от тридцати до сорока, хотя, может, и больше. Очень светлая блондинка с прической кинозвезды. Уверенные движения, а когда Джорджина закурила сигарету, затянулась и, поджав губы и прищурившись, выпустила дым из ноздрей, то вид приобрела в высшей степени безмятежный и эффектный.

– Посмотрите на них, – сказала она, указав на компанию, которая так же вглядывалась в уходивший город, стоя по другую сторону барьера. – Пассажиры первого класса. Оттуда и вид открывается самый лучший. Но я знаю, как туда пробраться. Идите за мной.

– Да мне и здесь хорошо, – ответила Эйлиш. – А через минуту и вида никакого не останется.

Джорджина взглянула на нее, пожала плечами:

– Как хотите. Судя по тому, что я слышала, ночка нам предстоит та еще, из худших. Стюард, который тащил мой чемодан, так и сказал.

На палубе быстро темнело, поднимался ветер. Эйлиш отыскала столовую для пассажиров третьего класса, одиноко посидела за столиком, пока официант обслуживал другие, – в конце концов он заметил ее и принес, даже не показав меню, первое: чашку супа из говяжьих хвостов, за которой последовало то, что Эйлиш сочла вареной бараниной с подливой, картошкой и горохом. За едой она поглядывала по сторонам, но Джорджины так и не обнаружила, зато увидела множество пустых столиков. Может быть, подумала она, большинство кают относятся к первому и второму классам, а третьим плывет лишь незначительное число людей, представших перед ней здесь, в столовой, и на палубе. Маловероятно, но где же тогда все остальные и как они собираются питаться?

Ко времени, когда официант принес ей желе с заварным кремом, в столовой и вовсе никого не осталось. Эйлиш подумала, что, поскольку другой столовой третьего класса на судне нет, Джорджина, надо полагать, сумела затесаться в ресторан первого или второго, хоть это,

наверное, и непросто. Так или иначе, ни бара, ни салона третьему классу не полагается, и ей остается лишь вернуться в каюту и устроиться на ночь. Она устала и, хочется верить, сможет заснуть.

Войдя в каюту, она решила почистить зубы и умыться на ночь, но обнаружила, что пассажиры соседней каюты заперли дверь. Наверное, решила Эйлиш, кому-то из них понадобилась уборная, и постояла, ожидая, когда этот «кто-то» закончит и дверь отопрет. Она прислушивалась, но не слышала ни звука, только рокот двигателя, достаточно громкий, чтобы заглушить любой шум в уборной. В конце концов она вышла в коридор, помаялась немного у соседской двери, однако из-за нее тоже никакие звуки не доносились. Может быть, погадала она, там все уже спят, – и прошла по коридору в надежде, что появится Джорджина. Уж ее попутчица, думала Эйлиш, мигом сообразила бы, что делать, как и Роуз или мама, – да и как мисс Келли, лицо которой на миг всплыло в ее сознании. А вот она об этом никакого понятия не имеет.

Спустя какое-то время она легко постучала в дверь соседей, а не получив ответа, ударила посильнее, костяшками, – вдруг ее не услышали. Ответа все равно не последовало. Поскольку лайнер был заполнен и поскольку в столовой, которая сейчас наверняка закрылась, никого не было, Эйлиш полагала, что все пассажиры сидят по своим каютам, некоторые могут даже и спать. Возбужденная и обеспокоенная, она вдруг поняла, что ей нужно не только умыться и почистить зубы, но и опорожнить мочевой пузырь и кишечник – и как можно скорее. Она вернулась в свою каюту, подергала дверь уборной. По-прежнему заперто.

Эйлиш снова вышла и направилась к столовой, нужда ее становилась все более настоятельной, однако найти уборную не удавалось. Она попробовала подняться двумя маршами лестницы на палубу и обнаружила, что ведущая туда дверь тоже заперта. Прошла по множеству коридоров, надеясь обнаружить в конце хоть одного из них ванную комнату или туалет, – ничего, только шум двигателя и рывки, которыми лайнер устремлялся вперед, рывки, заставившие ее хвататься, чтобы сохранить равновесие, за перила лестницы.

Положение становилось отчаянным. Если туалет не отыщется, ей долго не продержаться. Она еще раньше заметила, что в каждом из концов ее собственного коридора имеется по маленькой нише для хранения ведер, швабр и щеток. И сообразила: раз она никого до сих пор не встретила, можно укрыться в одной из них и никто ее, если повезет, не заметит, – и направилась к нише, находившейся справа от ее каюты. В ведре было немного воды – уже хорошо. Она торопилась, старалась облегчиться как можно скорее, не высываясь из ниши, – тогда, если в коридоре появятся люди, они ее не заметят, разве что совсем уж близко пройдут. Закончив, она подтерлась мягкой шваброй и на цыпочках вернулась в каюту, все еще питая надежду на возвращение Джорджины, которая найдет способ разбудить соседей, чтобы те отперли дверь ванной комнаты. Пожаловаться на них судовым властям, думала Эйлиш, нельзя, они могут связать ее с тем, что несомненно обнаружат в ведре завтра утром.

В каюте она переделалась в ночную рубашку, погасила свет, забралась на верхнюю койку. И вскоре заснула. Как долго она спала, Эйлиш не знала, но, проснувшись, обнаружила, что обливается потом. И очень быстро поняла, что с ней не так. Ее вот-вот вырвет. В темноте она едва не свалилась с койки, а нащупывая выключатель и стараясь устоять на ногах, не выдержала и извергла из себя часть съеденного этим вечером.

Выключатель наконец отыскался, Эйлиш пролезла мимо чемодана Джорджины в коридор, и там ее стало рвать всерьез. Пришлось встать на колени, уж больно сильно качало лайнер. Она понимала, что нужно постараться выbleвать все как можно скорее, пока ее не застучали попутчики-пассажиры или кто-то из служителей корабля, но каждый раз, как она поднималась на ноги, решив, что все уже закончилось, позывы возобновлялись. Едва Эйлиш собралась вернуться в каюту – ей так хотелось залезть на свою койку и накрыться одеялом в надежде, что никто не поймет: это она набезобразничала в коридоре, – на нее напал позыв еще более силь-

ный, заставивший ее опуститься на четвереньки и выблевать густую жидкость вкуса настолько гнусного, что, подняв все же голову, она вся тряслась от омерзения.

Движения корабля приобрели жесткий ритм, ощущение, с которым Эйлиш проснулась, – что он прыгает вперед, а его отталкивают назад, – исчезло. Казалось, продвигается он с огромными затруднениями, едва ли не ударяясь о что-то жесткое и мощное, пытающееся его остановить. Появился и новый звук: огромный лайнер побряхтывал, и кряхтение его перекрывало рокот двигателя. Однако, вернувшись в каюту и прислонясь к двери ванной комнаты, Эйлиш услышала еще один звук, совсем призрачный. Она припала ухом к двери уборной – ошибки быть не могло, там кого-то рвало. Эйлиш озлобленно заколотила в дверь. Теперь она поняла, почему та была заперта. По-видимому, люди, находившиеся сейчас по другую ее сторону, знали, насколько бурной окажется ночь, и понимали, что уборная будет нужна им постоянно. Звуки рвоты доносились оттуда раз за разом, и никаких признаков того, что дверь откроется, не было.

Эйлиш ощущала в себе достаточно сил, чтобы заняться блевотиной в каюте. Обувшись и накинув поверх ночной рубашки плащ, Эйлиш вышла в коридор, направилась к той нише, что находилась слева от двери, и обнаружила там швабру, щетку и ведро. Она внимательно смотрела себе под ноги, старалась удержать равновесие. Интересно, многие ли пассажиры третьего класса понимали, какова будет эта ночь, и потому держались подальше от палубы, столовой и коридоров, решив запереться в каютах и не выходить, пока худшее не останется позади? Эйлиш не имела понятия, часто ли такое выпадает на долю лайнеров, что следуют из Ливерпуля в Нью-Йорк, однако, припомнив слова Джорджины «та еще будет ночка», полагала, что ночь выдалась хуже обычных. Сейчас лайнер шел, по ее представлениям, вдоль южного берега Ирландии, впрочем, уверенности в этом у Эйлиш не было.

Вооружившись шваброй и щеткой, она вернулась в каюту, надеясь, что сможет избавиться от запаха, полив испачканные рвотой участки пола и одеяла подаренными Роуз духами. Однако швабра только размазала блевотину, отчего запах лишь усилился, а от щетки проку не было никакого, и Эйлиш решила вернуть их на место. Возвратив обе в нишу, она вдруг почувствовала новый приступ тошноты, выскочила в коридор, и ее снова вывернуло наизнанку. Собственно, извергать из себя ей было уже нечего, только кислую желчь, оставлявшую во рту вкус до того отвратный, что Эйлиш заплакала и со всей силы ударила по двери соседней каюты. Но никто не откликнулся, а лайнер содрогнулся и, казалось, скакнул вперед и содрогнулся еще раз.

Эйлиш и представить себе не могла, на какой глубине находится, знала лишь, что в самом чреве корабля. Когда ее желудок снова начал вздыматься всухую, она поняла, что никогда и никому не сможет рассказать, насколько худо ей было. Она вспомнила маму, стоявшую с напряженным, встревоженным лицом у двери дома, махавшую рукой вслед машине, которая увозила ее и сестру на железнодорожный вокзал, – маму, ухитрившуюся выдать последнюю улыбку, когда машина свернула на Фрайэри-Хилл. Того, что происходит со мной сейчас, с надеждой подумала Эйлиш, мама даже вообразить никогда не сможет. Если бы корабль мотало поменьше, просто с носа на корму и обратно, она могла бы убедить себя, что это сон или что все скоро закончится, однако каждый нынешний миг был абсолютно реальным, был полностью осязаемой частью ее бодрствования – как и мерзкий привкус во рту, и скрежет двигателей, и жара, которая, казалось, усиливалась, пока ночь продвигалась к концу. И все это сопровождалось чувством, что в какое-то из недавних мгновений она поступила неправильно, что это по ее вине Джорджина ушла куда-то, а соседи заперли дверь уборной, и она сама виновата, что заблевала каюту и не смогла отчистить ее.

Дышала она теперь через нос, сосредоточившись на стараниях не позволить желудку вновь подскочить к горлу, потом собрала волю в кулак, залезла по лесенке на верхнюю полку и лежала в темноте, представляя, как лайнер движется вперед, хоть он и дрожал всем корпусом, а волны, казалось, били в него сильнее, чем прежде. Некоторое время Эйлиш воображала себя

морем, напиранием на лайнер, стараясь одолеть его массивность и мощь. Да так и погрузилась в неглубокий, лишенный видений сон.

Разбудила ее мягкая, опустившаяся ей на лоб ладонь. Открыв глаза, она вмиг поняла, где находится.

– Ох, бедняжка, – произнесла Джорджина.

– Они заперли дверь в ванную комнату, – сказала Эйлиш, постаравшись, чтобы голос ее звучал как можно слабее.

– Сволочи! – отозвалась Джорджина. – Они каждый раз так делают, если успевают первыми заскочить в уборную. Ну я им еще покажу.

Эйлиш села, потом медленно спустилась по лесенке. Рвотой в каюте пахло ужасно. Джорджина, достав из сумочки пилку для ногтей, уже трудилась над запором двери в уборную. Открыть его удалось без особых хлопот. Эйлиш вошла за Джорджиной в уборную, где лежали оставленные соседями туалетные принадлежности.

– Теперь мы *их* дверь запрем, потому как следующая ночь будет еще и похуже прошлой, – сказал Джорджина.

Эйлиш увидела, что дверь запирается на простую металлическую щеколду, которую очень легко отодвинуть пилкой.

– Вариант у нас только один, – сказала Джорджина. – Если я втащу сюда мой чемодан, мы не сможем закрыть дверь и на толчке нам придется боком сидеть, однако и им войти не удастся. Бедная вы девочка.

На Эйлиш она смотрела с сочувствием. Джорджина была подкрашена – похоже, ужасы этой ночи никак ее не затронули.

– Что вы съели на ужин? – спросила она, берясь за чемодан.

– По-моему, это была баранина.

– И горох, куча гороха. Как себя чувствуете?

– Хуже мне еще не бывало. Очень я напачкала в коридоре?

– Да, но так оно по всему кораблю. Даже в первом классе. Уборку начнут оттуда, а до нас доберутся спустя не один час. Зачем вы так налопались на ночь?

– Я же не знала.

– Так вы не слышали, что они говорили, когда мы поднимались на борт? Это самый сильный шторм за многие годы. В Атлантике всегда штормит, особенно в здешних местах, но нынешняя буря – это что-то жуткое. Пейте воду и ничего больше, никакой плотной пищи. Это сотворит чудеса с вашей фигурой.

– Простите меня за запах.

– Придут уборщики и все вычистят. Когда услышим, что они приближаются, придется вытащить чемодан в каюту, а как только уйдут, вернем его обратно. Меня застучали в первом классе, велели оставаться здесь до самого порта, иначе я, едва сойдя на берег, окажусь под арестом. Так что, боюсь, вы получили компанию. И, дорогая, когда *меня* начнет рвать, вы изучите это дело во всех тонкостях. А оно случится завтра или около того – я про рвоту, ее будет много. Но после мы войдем, как мне сказали, в спокойные воды.

– Чувствую я себя ужасно, – сказала Эйлиш.

– Это называется морской болезнью, утенок, люди от нее зеленеют с лица.

– Я очень плохо выгляжу?

– О да, как и все на нашей посудине.

Едва она это сказала, из соседней каюты донесся громкий стук. Джорджина вошла в ванную комнату.

– Пошли на хер! – крикнула она. – Слышите меня? Ну и прекрасно! Так вот, пошли на хер!

Эйлиш – в ночной рубашке, босая – стояла за ее спиной. И смеялась.

– Мне нужно в туалет, – сказала она. – Надеюсь, вы не против.

Днем пришли уборщики с ведрами, полными раствора дезинфицирующей жидкости, они вымыли полы в коридорах и каютах, унесли испачканные простыни и одеяла и принесли свежие, а с ними и полотенца. Подстерегавшая их Джорджина успела вернуть чемодан в каюту. Когда же соседки, две пожилые американки, которых Эйлиш увидела впервые, пожаловались уборщикам на запертую дверь ванной комнаты, те лишь пожали плечами и продолжали работать. Едва они удалились, Джорджина и Эйлиш снова запихали чемодан в уборную, прежде чем соседки получили возможность запереть ее изнутри. Соседки колотили в двери уборной и каюты, но Эйлиш и Джорджина только посмеивались.

– Они упустили свой шанс, – сказала Джорджина. – Это их кое-чему научит!

Она сходила в столовую, принесла два кувшина с водой.

– Официант там всего один, – сообщила она, – поэтому можно самой брать что захочешь. Это ваш ночной рацион. Ничего не есть и побольше пить, вот в чем весь фокус. Выздороветь не выздоровеете, но полегче вам станет.

– Мне все время кажется, что корабль отталкивают назад, – сказала Эйлиш.

– Здесь внизу всем так кажется, – ответила Джорджина. – Поменьше двигайтесь и говорите, блюйте, сколько душа попросит, и будете завтра как новенькая.

– Послушать вас, так вы на этом корабле уже тысячу раз побывали.

– Побывала, – согласилась Джорджина. – Раз в году я отправляюсь повидаться с мамой. Намучаюсь по пути и целую неделю прихожу там в себя. А как приду – уже и назад возвращаться пора. Но мне приятно повидать своих. Моложе никто из нас не становится, а провести неделю вместе – дело хорошее.

Еще одна ночь беспрестанной рвоты измотала Эйлиш; ей казалось, что лайнер теперь бьет по воде, точно молот. Но затем море утихло. Джорджина, которая время от времени прогуливалась по коридору, столкнулась с парочкой из соседней каюты и договорилась с ними о том, что каждая из сторон не будет препятствовать другой в пользовании ванной комнатой, а постарается делить ее в духе мира и согласия, благо шторм закончился. Она вернула чемодан в каюту и предупредила Эйлиш, которая призналась ей, что оголодала: ничего не есть, как бы ни хотелось, а пить побольше воды и стараться не спать среди дня, несмотря на великое искушение именно это и сделать. Если она сможет проспять всю ночь, сказала Джорджина, то почувствует себя намного лучше.

Эйлиш с трудом верилось, что ей предстоит провести в этой тесной каютке со спертым воздухом и слабеньким светом еще четыре ночи. Только заходя в ванную комнату, чтобы помыться, она получала недолгое избавление от муторной тошноты, смешанной с не покидавшим ее страшным голодом и клаустрофобией, которая почему-то усиливалась, когда Джорджина выходила из каюты.

Поскольку в доме матери имелась только ванна, пользоваться душем Эйлиш до сих пор не приходилось, и потому ей потребовалось время, чтобы научиться доводить воду до нужной температуры, не отключая душ полностью. Намыливаясь и втирая в мокрые волосы шампунь, она гадала, морская ли это вода, только подогретая, а если нет, как удастся лайнеру запастись так много пресной? Наверное, здесь есть цистерны, думала Эйлиш, а может, они дождевую собирают. Так или иначе, постояв под водными струями, она почувствовала, что ей впервые со времени отплытия из Ливерпуля стало немного легче.

В вечер перед прибытием Эйлиш сходила в столовую – с Джорджиной, которая сказала, что выглядит она хуже некуда и, если не принять какие-то меры, ее задержат на Эллис-Айленд и поместят в карантин или, самое малое, подвергнут полному медицинскому осмотру. Когда они вернулись в каюту, Эйлиш предъявила Джорджине свой паспорт и документы, желая доказать, что проблем с въездом в Соединенные Штаты у нее не будет. И сказала, что ее встре-

тит отец Флуд. Джорджину, по ее словам, удивило, что у Эйлиш имеется полное, а не временное разрешение на работу. Она думала, что теперь раздобыть такую бумагу непросто – даже с помощью священника. А потом попросила Эйлиш открыть чемодан и показать взятую с собой одежду: Джорджине хотелось выбрать для нее правильный наряд, в котором Эйлиш сойдет с судна, а заодно и убедиться, что тот не будет помятым.

– Ничего чересчур бросающего, – сказала она. – Нам ни к чему, чтобы вас приняли за потаскушку.

И выбрала белое платье Роуз, с красным цветочным узором, простой кардиган и неяркий шарфик. Потом осмотрела три пары туфель и отдала предпочтение самым простым, сказав, что их необходимо начистить до блеска.

– Плащ понесете перекинутым через руку и постарайтесь выглядеть так, точно вы хорошо знаете, куда направляетесь. Да, голову больше не мойте, на корабле такая вода, что волосы дыбом встают, получается что-то вроде металлической мочалки. Чтобы прилично выглядеть, их потом часами расчесывать приходится.

Утром Джорджина уложила свой чемодан, чтобы отнести его на палубу, и принялась подкрашиваться, а Эйлиш, уже расчесавшую волосы, заставила еще поработать щеткой, дабы сделать их попрямее и собрать на затылке в узел.

– Вид у вас уж больно простецкий, – сказала она. – Ну ничего, я подведу вам глаза, подумрюню, подкрашу ресницы, и никто не решится вас остановить. Чемодан ваш не хорош, но тут мы ничего поделать не можем.

– А что с ним не так?

– Выглядит слишком ирландским, а ирландцев они останавливают.

– Правда?

– Постарайтесь не показаться им слишком испуганной.

– Я просто голодна.

– Все голодны. Но, дорогуша, они это заметить не должны. Притворяйтесь сытой.

– К тому же дома я почти никогда не красилась.

– Ну, вам ведь предстоит ступить на землю свободных и отважных людей. Все-таки я не могу понять, как вы смогли получить в паспорт тот штампик. Должно быть, у вашего священника большие связи. Задержать вас они могут, только заподозрив, что вы больны туберкулезом, поэтому ни в коем случае не кашляйте. Другая причина – какая-то замысловатая глазная болезнь, забыла, как называется. Стало быть, держите глаза широко раскрытыми. Иногда они вообще никого не останавливают, только документы просматривают.

Джорджина усадила Эйлиш на нижнюю койку, лицом к свету, и велела ей закрыть глаза. В течение двадцати минут она неторопливо трудилась над лицом Эйлиш, нанося на него тонкий слой косметики, румяня щеки, подводя веки и крася ресницы. Потом собрала ее волосы сзади. А закончив, отправила Эйлиш с тюбиком губной помады в ванную комнату, предупредив, что следует лишь чуть-чуть подкрасить губы и постараться не размазать помаду по всей физиономии. Увидев себя в зеркале, Эйлиш удивилась. Она выглядела повзрослевшей и, подумалось ей, почти красивой. Ей захотелось научиться правильно наносить косметику – как это умеют Роуз и Джорджина. По ее представлениям, выгляди она, как сейчас, ей было бы легче иметь дело с незнакомыми людьми, с теми, кого она, может быть, никогда больше не увидит. Она бы тогда меньше нервничала, думала Эйлиш, а может, и больше, но по-другому, потому что, если бы она каждый свой бруклинский день одевалась, как сегодня, люди обращали бы на нее внимание и, возможно, приходили к неверным выводам на ее счет.

Часть вторая

Эйлиш проснулась посреди ночи, сбросила одеяло на пол, попыталась уснуть снова, накрывшись одной простыней, но и под ней было слишком жарко. Тело просто купалось в поту. Шла, скорее всего, последняя, так ей сказали, теплая неделя; скоро температура спадет, и тогда уж без одеяла не обойдешься, пока же стояла влажная жара, а люди передвигались по улицам медленно и устало.

Ее комната находилась в тыльной части дома, прямо напротив ванной, только коридор перейти. Половицы в коридоре были скрипучие, дверь ванной комнаты тонкой, унитаз громогласным, поэтому, если другие постоялицы посещали ночью туалет или поздно возвращались домой в уик-энды, Эйлиш хорошо их слышала. Против того, что ее будили, она ничего не имела, лишь бы снаружи стояла темнота и можно было уютно свернуться в постели, зная, что еще есть время поспать. Так она могла выкинуть из головы все мысли о предстоящем ей дне. А вот просыпаясь уже засветло, она понимала, что до звонка будильника остался всего-навсего час, самое большее два, а после начнется день.

Ее домохозяйка, миссис Кео, была родом из Уэксфорда и любила поговорить с Эйлиш о своем родном городе, о воскресных поездках в Карракло и Рослэр-Странд, или о соревнованиях по хёрлингу¹, или о магазинах уэстфордской Мэйн-стрит, или о людях, которых она помнила. Поначалу Эйлиш считала миссис Кео вдовой, поскольку на вопрос, откуда родом мистер Кео, та ответила лишь «из Килмор-Ки»² да печально улыбнулась. Позже, заговорив об этом с отцом Флудом, Эйлиш услышала, что самое правильное мистера Кео не упоминать, потому как он сбежал на Запад со всеми семейными деньгами, оставив жене лишь долги да дом на Клинтон-стрит – и никаких средств к существованию. Потому-то, сказал отец Флуд, миссис Кео и сдает комнаты и пустила в свой дом еще пять жилищ, кроме Эйлиш.

В доме миссис Кео занимала комнаты на первом этаже, где располагались ее спальня, ванная комната и личная гостиная. Имелся там и телефон, однако хозяйка ясно дала Эйлиш понять, что ни при каких обстоятельствах сообщений для жилищ она не принимает. Две девушки жили на цокольном этаже, четыре – на верхних этажах; каждой позволялось пользоваться большой кухней на первом, где миссис Кео накрывала для них ужин. Они могли, как было сказано Эйлиш, в любое время заваривать чай или кофе, но должны использовать для этого собственные чашки и блюдца, каковые надлежало затем мыть, вытирать и убирать на место.

По воскресеньям миссис Кео к ним не выходила, таково было ее правило, девушкам следовало самим готовить себе еду, начисто за собой прибирая. Миссис Кео сказала Эйлиш, что по воскресеньям ходит к ранней мессе, а вечером играет с подругами в старомодный, серьезный покер. О покере, отметила Эйлиш в письме домой, она говорила так, точно это еще одна из ее воскресных обязанностей, выполняемых лишь потому, что так полагается.

Каждый вечер перед ужином все торжественно поднимались со стульев, брались за руки, и миссис Кео читала молитву, а девушки повторяли за ней каждое слово. Хозяйке не нравилось, когда девушки разговаривали за столом или обсуждали темы, в которых она ничего не понимала; не поощрялись также упоминания об ухажерах. Интересовали ее главным образом одежда и обувь – где их лучше покупать, по какой цене и в какое время года. Веяния моды и новые направления в ней были основным предметом разговоров миссис Кео, хотя сама она часто повторяла, что слишком стара для новых расцветок и стилей. Эйлиш видела, что одевается хозяйка безупречно и замечает каждую частность нарядов каждой своей постоялицы. А

¹ Ирландский травяной хоккей. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Старая рыбацкая деревня в Ирландии.

еще она любила поговорить об уходе за кожей, разных ее типах и связанных с ней проблемах. Раз в неделю, по субботам, миссис Кео сооружала прическу, проводя по несколько часов у одной и той же парикмахерши, и всю последующую неделю волосы ее пребывали в идеальном порядке.

Фронтальную спальню на этаже Эйлиш занимала мисс Мак-Адам из Белфаста, она работала секретаршей, а сказать за столом о моде ей было почти нечего, разве что речь заходила о росте цен. Очень чопорная, описывала ее Эйлиш в своих письмах родным, она попросила Эйлиш как об особой услуге не оставлять, подобно другим девушкам, свои туалетные принадлежности в ванной комнате. Девушки, жившие над ней, писала Эйлиш, моложе мисс Мак-Адам, и миссис Кео на пару с мисс Мак-Адам регулярно делают им замечания. Одна из девушек, Патти Мак-Гуайр, родилась на севере штата Нью-Йорк, а работала, как и Эйлиш, в большом универсальном магазине Бруклина. Она была помешана на мужчинах и на постоянной диете. Лучшая подруга Патти жила на цокольном этаже, звали ее Дианой Монтини, но ее мать была ирландкой, а волосы – рыжими. Как и Патти, говорила Диана с американским акцентом.

Диана вечно жаловалась на ужины, которые готовила миссис Кео, называла их ирландскими и уверяла, что от них толстеешь. По вечерам пятниц и суббот Диана с Патти принаряжались, тратя на это не один час, и отправлялись в парк аттракционов, в кино или на танцы – в любое место, где можно встретить мужчин, как раздраженно отмечала мисс Мак-Адам. Делившие верхний этаж Патти и Шейла Хеффернан вечно препирались из-за шума по ночам. Шейла, которая была постарше Патти и Дианы, происходила из Скерриса и тоже, как мисс Мак-Адам, работала секретаршей. Когда миссис Кео объясняла Эйлиш причину трений между Патти и Шейлой, присутствовавшая тут же мисс Мак-Адам перебила ее, сказав, что не видит между ними никакой разницы – неприятности они всем доставляют одинаковые и обе горазды пользоваться ее мылом, шампунем и даже зубной пастой, когда ей хватает глупости забыть их в ванной комнате.

Она то и дело жаловалась – и самим Патти и Шейле, и миссис Кео – на шум, который создают их каблуки на лестнице и над ее головой.

На нижнем этаже, помимо Дианы, проживала еще мисс Киган из Голуэя, все больше молчавшая, если только речь не заходила о «Фианна Файл» и де Валера³ или американской политической системе, что случалось редко, поскольку миссис Кео питала, как сама она говорила, совершеннейшее отвращение к любым разговорам о политике.

В первые два уик-энда Патти и Диана спрашивали у Эйлиш, не желает ли она пойти с ними, однако Эйлиш, еще не получившая первого заработка, предпочитала даже субботние вечера проводить на кухне, пока не придет время ложиться спать. Во второе свое воскресенье она пошла после полудня прогуляться – одна, поскольку в предыдущее совершила ошибку, отправившись на прогулку с мисс Мак-Адам, у которой не нашлось ни одного доброго слова о тех, кто попадался им по пути, а принимая кого-то из прохожих за итальянца или еврея, она неодобрительно морщила нос.

– Большое спасибо, я приехала в Америку не для того, чтобы слушать, как люди на улицах тараторят по-итальянски, или любоваться на странные шляпы, – говорила она.

В одном из писем родным Эйлиш описала принятую у миссис Кео систему стирки белья. Правил в доме не так уж и много, писала она матери и Роуз, но среди них есть такие: гостей не принимать, грязных столовых приборов, чашек и блюдец на кухне не оставлять, никакого белья в доме не стирать. По понедельникам в дом приходили, чтобы забрать все, что нужно было в стирке, живущая поблизости итальянка и ее дочь. Каждая квартирантка оставляла ей

³ «*Фианна Файл*» (в переводе с гэльского – «Солдаты судьбы») – либеральная партия Ирландской республики, проводившая жесткую националистическую политику; была основана в 1926 г. бывшим президентом Ирландии Имоном де Валера (1882–1975).

мешок с приколотым списком содержавшегося внутри белья; по средам эти мешки возвращались обратно, и на дне каждого лежал счет, который миссис Кео оплачивала, собирая деньги с жилищ, когда те возвращались с работы. Постиранные вещи к тому времени уже висели в гардеробах или лежали в комодах. К ним добавлялись также чистое постельное белье и полотенца. Итальянка, писала Эйлиш, прекрасно все отглаживает и крахмалит ее платья и блузки.

Она подремала немного и наконец проснулась совсем. Посмотрела на часы: без двадцати восемь. Если встать сразу, удастся поспеть в ванную комнату раньше Патти и Шейлы; мисс Мак-Адам, как знала Эйлиш, уже ушла на работу. Взяв пакет с туалетными принадлежностями, она быстро направилась к двери своей комнаты. На голову Эйлиш надела купальную шапочку, поскольку не хотела портить прическу: вода в доме была такая же, как на корабле, волосы от нее курчавились, их потом приходилось часами расчесывать. Как получу деньги, думала она, схожу в парикмахерскую и остригусь покороче, тогда управляться с волосами легче будет.

Внизу она с удовольствием обнаружила, что кухня пуста. Поскольку вести разговоры ей ни с кем не хотелось, за стол Эйлиш садиться не стала – так она могла уйти, едва лишь кто-то появится. Она заварила чай, поджарила тост. Хлеб, который пришелся бы ей по душе, найти пока не удалось, да и у молока с чаем вкус был какой-то странный. И масло ей не нравилось, оно отдавало жиром. Однажды, возвращаясь с работы, она увидела женщину, которая продавала с лотка джем. По-английски та не говорила, на итальянку не походила, угадать, откуда она, было невозможно, однако, едва Эйлиш принялась разглядывать баночки с джемом, женщина улыбнулась ей. Эйлиш выбрала одну из баночек, думая, что джем в ней крыжовенный, но, когда попробовала дома, вкус оказался незнакомым. Что это такое, она так и не поняла, тем не менее джем ей понравился, потому что отбивал привкус хлеба и масла, так же как три ложки сахара отбивали привкус чая и молока.

Часть полученных от Роуз денег она потратила на обувь. Первая купленная пара поначалу казалась удобной, но через несколько дней стала натирать ноги. Вторая была простенькой, без каблуков, зато как раз впору; Эйлиш носила эти туфли в сумке и надевала на службе. Эйлиш не нравилось, что Патти с Дианой уделяют ей столько внимания. Конечно, в доме она новенькая, к тому же моложе всех, и они не могли совладать с желанием давать ей советы и отпускать замечания, в том числе и критические. Эйлиш гадала, долго ли это будет продолжаться, и старалась внушить им, что не одобряет их интереса к себе, – выслушивала их речи с вымученной улыбкой, а иногда, в особенности по утрам, смотрела на них пустыми глазами, точно не понимала ни единого слова.

Позавтракав, вымыв чашку, блюдо, тарелку и не уделив никакого внимания появившейся на кухне Патти, Эйлиш выскользнула из дома. До начала работы еще оставалось изрядно времени. Шла ее третья неделя, и, хотя она отправила матери с Роуз немало писем, а одно так даже братьям в Бирмингеме, от них ничего пока не получила. На перекрестке ей вдруг подумалось, что ко времени ее возвращения домой, к шести тридцати, произойдет немало событий, о которых она могла бы рассказать родным. Каждое мгновение, казалось, приносило с собой новые картины, ощущения, знания. До сих пор скучать на работе ей не доводилось, да и время там летело быстро.

Лишь потом, уже дома, после ужина, когда она ложилась, миновавший день начинал представляться одним из самых долгих за всю ее жизнь, и Эйлиш ловила себя на том, что восстанавливает его, сцену за сценой. Даже мельчайшие подробности западали в ее сознание. А если она заставляла себя думать о чем-то ином или не думать вовсе, события дня тут же возвращались к ней. Для того чтобы осмыслить каждое, думала Эйлиш, требуется еще один день, только так она сможет сохранить его в памяти, оставить размышления о нем, не позволить им мешать ей заснуть, начинать ее сновидения мгновенными картинками того, что произошло

в действительности, и иными – не имеющими отношения ни к чему знакомому, но полными стремительных красок или людских толп, исступленных и торопливых.

Ей нравился утренний воздух, спокойствие тенистых улиц, которыми она шла, – улиц с магазинами только на углах, улиц, где люди жили, где каждый дом вмещал три или четыре квартиры, где проходившие мимо нее женщины вели своих детей в школу. Впрочем, она знала, что с каждым шагом приближается к миру реальному – к улицам куда более широким и забитым автомобилями. Она выходила на Атлантик-авеню, и Бруклин вдруг делался странным – столько пустых прогалин между зданиями, столько заброшенных домов. А дойдя до Фултон-стрит, она вдруг видела такое множество людей, теснившихся в ожидании возможности перейти улицу, что в первое утро даже подумала, уж не драка ли тут происходит или кто-то увечье получил, вот люди и сгрудились, чтобы поглазеть. Как правило, она минуту-другую простаивала чуть в стороне от толпы, ожидая, когда та рассосется.

В «Барточчис» ей следовало отметить время своего прихода, что было несложно, а затем направиться вниз, к своему шкафчику в женской раздевалке, и переодеться в голубую униформу, которую полагалось носить работавшим в торговом зале девушкам. Чаще всего Эйлиш по утрам появлялась раньше большинства других продавщиц. Некоторые из них прибегали в последнюю секунду. Эйлиш знала, что мисс Фортини, заведовавшая торговым залом, этого не одобряет. В первый рабочий день Эйлиш отец Флуд привел ее в главный офис для беседы с Элизабетт Барточчи, дочерью владельца магазина, и та показала ей одетой с великолепием, какого Эйлиш в жизни не встречала. Позже она описала маме и Роуз ослепительно-красный костюм мисс Барточчи и ее простую белую блузку, красные туфельки на высоких каблуках, великолепные блестящие черные волосы, ярко-красную помаду и самые черные, какие Эйлиш только видела, глаза.

– Бруклин меняется с каждым днем, – сказала мисс Барточчи, и отец Флуд кивнул. – Появляются новые люди, они могут быть евреями, ирландцами, поляками, даже цветными. Наши покупательницы перебираются на Лонг-Айленд, но мы за ними последовать не можем, поэтому нам нужны новые. Относимся мы ко всем одинаково. Радужно принимаем любого, кто заходит в магазин. Ведь эти люди готовы оставить здесь деньги. Цены мы держим на низком уровне, а наше обхождение – на высоком. Если женщине у нас понравится, она придет снова. Поэтому к покупательнице вы должны относиться как к новой подруге. Договорились?

Эйлиш кивнула.

Когда мисс Барточчи ушла, чтобы найти заведующую залом, отец Флуд посоветовал Эйлиш приглядеться к тем, кто работает в офисе.

– Очень многие из них начинали так же, как вы, в торговом зале. Посещали вечерние курсы, учились, теперь они в офисе. Некоторые из них – настоящие бухгалтеры, с дипломами.

– Мне хотелось бы изучить бухгалтерское дело, – сказала Эйлиш. – Основной курс я уже прошла.

– Здесь все делается иначе, другая система, – ответил отец Флуд. – Однако я выясню, нет ли поблизости курсов со свободными местами. Даже если нет, мы все равно попробуем раздобыть для вас место. Но мисс Барточчи об этом лучше не знать, сосредоточьтесь на работе, это все, что ей от вас требуется.

Эйлиш снова кивнула. Мисс Барточчи вернулась, приведя мисс Фортини, отвечавшую «да», почти не разжимая губ, на все, что говорила мисс Барточчи. Время от времени ее взгляд пробежался по кабинету и после этого торопливо, как будто она совершила нечто неподобающее, возвращался к лицу мисс Барточчи.

– Мисс Фортини познакомит вас с системой оплаты. Когда ее освоишь, она начинает казаться совсем простой. С любыми вашими затруднениями, даже самыми мелкими, обращайтесь первым делом к ней. Порадовать покупательниц способен только приветливый персонал. Работать будете с девяти до шести, с понедельника по субботу, с одним неполным днем в

неделю, перерыв на ланч – сорок пять минут. Кроме того, мы приветствуем вечернюю учебу наших служащих...

– Мы только что говорили об этом, – перебил ее отец Флуд.

– Ну вот, если захотите по вечерам учиться, мы частично оплатим ваше обучение. Но помните, только частично. А если пожелаете что-то купить в нашем магазине, сообщите об этом мисс Фортини – и сможете получить почти любую вещь со скидкой.

Мисс Фортини спросила у Эйлиш, готова ли та начать. Отец Флуд откланялся, мисс Барточчи уселась за свой стол и занялась корреспонденцией. Когда мисс Фортини отвела Эйлиш в торговый зал и объяснила ей систему оплаты покупок, то Эйлиш не сказала ей, что в точности такая же принята в универмаге «Балджерс» на Рафтер-стрит у нее дома. Деньги и чек кладут в металлический цилиндр и по пневматическим трубам отправляют через весь магазин в кассовый отдел, там чек помечают как оплаченный, укладывают вместе со сдачей в тот же цилиндр и пускают его назад. Эйлиш позволила мисс Фортини подробно объяснить все это, словно никогда ничего подобного не видела.

Затем мисс Фортини известила кассовый отдел, что начнет сейчас отправлять фиктивные чеки, приложив к каждому по пять долларов. И показала Эйлиш, как заполнять чек: наверху следует проставить свое имя и дату, ниже описать покупку, слева указать количество купленных вещей, а справа – цену. На обороте чека, сказала мисс Фортини, следует записать, чтобы не вышло никакого недоразумения, сумму, которую вы посылаете. Большинству покупательниц приходится дожидаться сдачи, сказала она. Редко кто приходит в магазин ровно с той суммой, какую платит, да и большинство вещей стоит сколько-то долларов и девяносто девять центов или еще какое-то нечетное их число. Если покупательница приобретет несколько вещей, Эйлиш надо будет самой сложить цены, однако в кассе результат все равно проверят.

– Не будете ошибаться, там вас заметят и полюбят, – добавила мисс Фортини.

Эйлиш понаблюдала, как мисс Фортини заполняет ей в поучение чеки, отправляет их и ждет возвращения. Потом заполнила три чека сама: первый на одну покупку, второй на несколько одинаковых вещей, третий на сложное сочетание. Пока она складывала цифры, мисс Фортини стояла рядом и смотрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.